

„КУЛЬТУРА и СВОБОДА“
ПРОСВѢТИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО въ память 27 Февраля 1917 г.
СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ ПЕТРОГРАДЪ ГРЕЧЕСКІЙ пр. 13.

КУЛЬТУРА и СВОБОДА

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ.

ГОСУД. ЛИТ. БЫВШ. Т. КИББЕЛЬ, П.Г.Р.

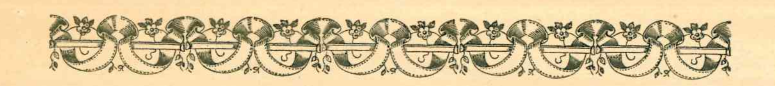
КУЛЬТУРА
и
СВОБОДА

СБОРНИКЪ
ПЕРВЫЙ.

Максимъ Горькій. Предисловіе. **Вѣра Фигнеръ.** Возникновеніе Общества „Культура и Свобода" и его задачи. **Максимъ Горькій.** Революція и культура. **В. Г. Архангельскій.** Культурная отсталость—источникъ нашего пораженія. **И. Н. Кубиковъ.** Революція и развитіе рабочаго сознанія. **Л. М. Брамсонъ.** Культурно-просвѣтительныя общества на Западѣ. **Е. Е. Колосовъ.** Русское народничество и культурная работа. **А. Н. Потресовъ.** Рабочее движеніе и культура. **В. А. Базаровъ.** Пролетарская революція и матеріальная культура.



ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія «Сила», Лиговская ул. 43—45.
1918 г.



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ этой книжкѣ напечатаны рѣчи, произнесенныя членами О-ва „Культура и Свобода“ на публичномъ собраніи 7 апрѣля 1918 года.

Авторы рѣчей—видные представители различныхъ соціалистическихъ партій. Почти ежедневно на страницахъ партійныхъ газетъ спорятъ другъ съ другомъ и часто, въ горячкѣ спора, они—и въ прошломъ, и въ настоящемъ безкорыстные и опытные борцы за свободу, за счастье Россіи,—забываютъ о своихъ заслугахъ предъ родиной и народомъ. Читая ихъ полемическія статьи по вопросамъ грозной современности, получаешь впечатлѣніе полной непримиримости этихъ людей—непримиримости тѣмъ болѣе глубокой, что никто, кромѣ хулигановъ или глупцовъ, не посмѣетъ заподозрить авторовъ статей въ неискренности ихъ политическихъ убѣжденій, выработанныхъ ими въ процессѣ длительной и тяжкой борьбы съ проклятыми условіями монархіи, почти умертвившей Россію.

Что же объединило политическихъ противниковъ на одномъ митингѣ и заставило ихъ напечатать свои рѣчи въ одной книжкѣ?

То, что несмотря на болѣе или менѣе рѣзкое расхожденіе по вопросамъ политики, всѣ эти

люди внутренно объединены единодушнымъ убѣжденіемъ въ необходимости немедленнаго всесторонняго и планомѣрнаго развитія въ Россіи культурно-просвѣтительной работы. Смыслъ ихъ политической дѣятельности сводится къ созданію государственныхъ условій, облегчающихъ свободное развитіе культурнаго творчества личности и массъ. Для нихъ ясно, что только немедленная и упорная культурная работа можетъ спасти нашу страну отъ гибели, грозящей ей извнѣ и изнутри. Политическая борьба—борьба классовъ и личностей за власть,—слишкомъ часто затемняетъ и даже отталкиваетъ въ сторону настоятельную, живую потребность страны—потребность въ развитіи матеріальной—внѣшней и духовной—внутренней культуры.

Внѣшняя культура, это многообразный и безконечный,—ибо онъ непрерывно развивается,—рядъ условій, всячески облегчающикъ борьбу человѣка за существованіе и ростъ его духовныхъ силъ.

Основнымъ условіемъ, безъ котораго матеріальная культура не можетъ развиваться, является научное знаніе,—только положительныя науки, изслѣдуя явленія природы и подчиняя силы разуму человѣка, постепенно освобождаютъ его физическую энергію отъ безполезной, а часто и безсмысленной траты.

Освобожденная физическая энергія человѣка превращается въ энергію духовную;—именно эта причина позволила не трудовымъ классамъ—аристократіи и буржуазіи—развить запросы своего духа, расширить свои потребности и способствовать созданію искусствъ, наукъ, художе-

ственной промышленности—всего, что дѣлаетъ жизнь человѣка духовно содержательной. интересной, красивой и праздничной.

Итакъ: цѣль чистаго научнаго знанія—разгадка всѣхъ тайнъ природы; по пути къ этой цѣли, наука способствуетъ созданію сокровищъ внѣшней культуры. Чѣмъ глубже въ обыденную жизнь будутъ проникать практическіе выводы научныхъ изслѣдованій, тѣмъ легче будетъ жить человѣку, тѣмъ свободнѣе, богаче и умнѣе станетъ онъ. Внѣшняя культура—все то, что облегчаетъ и украшаетъ жизнь человѣка, дѣлая его болѣе здоровымъ, разумнымъ, трудоспособнымъ, расширяя потребности и духа и тѣла.

Духовно культурный человѣкъ понимаетъ: что какъ онъ самъ, такъ и каждый, подобный ему,—самое разумное, сложное и прекрасное явленіе природы, что всѣ идеи и вещи міра, всѣ великія и гордыя мечты его—все это создано трудомъ и духомъ человѣка, а потому человѣкъ одинаково достоинъ удивленія и уваженія въ прошломъ и въ настоящемъ.

Культурный человѣкъ знаетъ, что каждый изъ насъ является продуктомъ исторіи, выводомъ изъ прошлаго и посылкой въ будущее, и что все, что мы научились презирать, ненавидѣть, отрицать—создано людьми, является наслѣдіемъ прошлаго. Презирая и отрицая многое изъ прошлаго, культурный человѣкъ не забываетъ, что „предразсудки—суть обломки старыхъ истинъ“, разрушенныхъ духомъ критики, что суевѣрія—были предметомъ горячей, искренней вѣры и что тѣ истины, которыя сейчасъ дороги намъ, тѣ вѣрованія, которыя освѣщаютъ нашу

жизнь теперь, со временемъ, тоже можетъ быть, окажутся предразсудками, суевѣріями и заблужденіями разума.

Но это будетъ тогда, когда люди, благодаря нашимъ трудамъ и усиліямъ, станутъ разумнѣе насъ, богаче научнымъ опытомъ и потому, употребляя меньше силъ на грубый физическій трудъ, отдадутъ большее количество живой энергіи духовному творчеству—развитію наукъ, искусствъ.

Есть только одна навѣки незыблемая истина: увеличеніе количества и улучшеніе качества мыслящаго мозга, дающія намъ твердую увѣренность въ безконечномъ ростѣ способностей человѣка.

Культурный человѣкъ твердо знаетъ, что все относительно, все вокругъ него находится въ процессѣ непрерывнаго развитія и что самое драгоцѣнное на землѣ, самое удивительное созданіе ея—человѣкъ всегда заслуживаетъ бережнаго, внимательнаго и любовнаго отношенія къ нему.

Въ суровыхъ будняхъ жизни, въ погонѣ за кускомъ хлѣба и въ борьбѣ другъ съ другомъ, люди забываютъ, что эта тревожная, мучительная жизнь навязана намъ прошлымъ и что если мы по отношенію другъ къ другу преступники и враги, то вѣдь въ такой же мѣрѣ мы всѣ неповинны въ созданіи тѣхъ условій, которыя нынѣ враждебно толкаютъ насъ другъ противъ друга.

Культурный человѣкъ—гуманенъ, онъ помнитъ, что большинству людей нельзя вмѣнять ихъ дѣяній въ преступленія, ибо у нихъ просто

отсутствуетъ способность различать добро отъ зла. Онъ не станетъ обвинять, не принявъ во вниманіе всѣхъ, смягчающихъ вину обстоятельствъ, но онъ не проститъ, когда преступленіе совершается сознательно, изъ презрѣнія къ человѣку.

Духовная культура—это уваженіе къ великимъ трудамъ прошлыхъ поколѣній, чувство крѣпкой связи со всѣмъ. что есть лучшаго въ прошломъ, глубокое пониманіе того, что въ прошломъ дано все то, чѣмъ гордится настоящее и что служитъ крѣпкой основой прекраснаго будущаго.

Духовная культура невозможна безъ сознанія человѣкомъ его личной отвѣтственности за все то мерзкое и подлое, что мучаетъ и уродуетъ людей болѣе слабыхъ, чѣмъ онъ, менѣе развитыхъ умственно.

Въ концѣ концовъ, культурный человѣкъ—существо, воля котораго строго дисциплинирована, чувство объемлетъ все лучшее прошлаго и настоящаго, разумъ смягченъ состраданіемъ къ мукамъ міра и уваженіемъ къ великимъ трудамъ человѣчества.

Мы должны всѣми силами стремиться къ созданію всѣхъ условій внѣшней культуры, необходимыхъ для быстрѣйшаго развитія культуры духа. Мы—звѣриная страна, дикій народъ, какъ это со страшной очевидностью показала намъ революція. Именно наша некультурность мѣшаетъ намъ удержать за собою тѣ завоеванія, которыя дала намъ революція 17-го года.

И вотъ—люди разныхъ партій, разныхъ взглядовъ, единодушно и пламенно зовутъ насъ

къ работѣ созданія культуры—къ духовному возрожденію нашей измученной, больной, одичавшей страны.

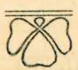
Мы вѣримъ, что всѣ живыя силы родины откликнутся на нашъ призывъ къ работѣ трудной,—но прекрасной.

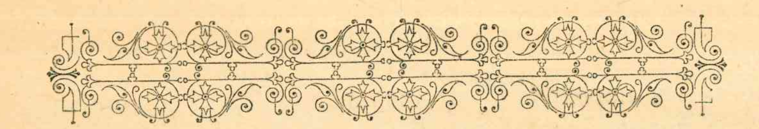
Каждое поколѣніе людей служитъ ступенью къ совершенству человѣчества; все, чѣмъ красна наша жизнь, все, чѣмъ мы имѣемъ право гордиться - науки, искусства, всѣ наши идеи и мечты—все создано изъ крови и плоти отжившихъ поколѣній; разумный трудъ каждаго изъ насъ —святая жертва будущему счастью людей и каждый изъ насъ, трудясь для міра, долженъ знать, что его кровь, плоть и духъ, воплощенные въ красивомъ и добромъ дѣяніи, существуютъ вѣка.

Мы говоримъ къ сердцу и уму тѣхъ невѣдомыхъ, безымянныхъ творцовъ жизни будничная, незамѣтная работа которыхъ, осуществляя идеи генія, гордыя мечты таланта, даютъ міру не меньше честнаго, великаго труда, чѣмъ геніи и таланты.

Узки и мучительны тропы, которыми идутъ геніи, еретики и новаторы, но—широкими дорогами, открытыми для всѣхъ, эти тропы становятся послѣ того, какъ по нимъ пройдутъ и погибнутъ на нихъ тысячи безымянныхъ людей—имъ же вѣчная память и слава!

М. Горькій.





I.

Возникновеніе общества „Культура и Свобода“ и его задачи.

Устроители этого митинга поручили мнѣ сказать вступительное слово относительно образованія просвѣтительнаго общества въ память 27 февраля 1917 года „Культура и Свобода“; но прежде чѣмъ приступить къ этому, я сдѣлаю небольшое отступленіе.

Послѣ того, какъ я была выпущена изъ Шлиссельбургской крѣпости, я тотчасъ попала въ ссылку, сначала въ Архангельскую губ., потомъ въ Казанскую и была поставлена подъ постоянное наблюденіе двухъ спеціально приставленныхъ стражниковъ. Разстроенные нервы и этотъ надзоръ, лишавшій всякой возможности участія въ общественной и политической дѣятельности въ это горячее время, принудили меня выѣхать за-границу. Я проѣхала сѣвернымъ путемъ черезъ Швецію, Данію, Германію, Францію и Швейцарію. Всюду я видѣла благосостояніе, прекрасно обработанныя поля; особенно меня поразилъ видъ Швейцаріи, гдѣ я училась 30 лѣтъ передъ тѣмъ. За этотъ промежутокъ въ 30 лѣтъ я замѣтила громадный ростъ народнаго благосостоянія. При видѣ этой перемѣны къ лучшему, я невольно вспомнила мое возвращеніе въ родную Казанскую губ., въ родной уѣздъ, въ родное село. Я не говорю уже о томъ, что лично я была поставлена въ чрезвычайно тяжелое положеніе. Какъ

олько съ парохода я вышла на берегъ, два переод ѣтыхъ полицейскихъ объявили, что надо мной будетъ установленъ надзоръ, такой неослабный, что полицейскіе по очереди будутъ находиться въ моей комнатѣ даже ночью *). Затѣмъ мы поѣхали по проселочнымъ дорогамъ, которыя утопали въ пыли. Солнце, только что взошедшее, жарило невыносимо; кругомъ я видѣла поля тощія, пожелтѣвшія прежде времени, рѣдкіе колосья, торчащіе тамъ и сямъ, разстрескавшуюся отъ засухи землю; было ясно, что эта земля отказывается давать хлѣбъ. Послѣ того, что я видѣла въ Швейцаріи, я особенно чувствовала громадную разницу между тѣмъ, что было въ свободной федеративной республикѣ Швейцаріи и тѣмъ, что я встрѣтила послѣ 25-ти лѣтняго отсутствія въ моемъ родномъ краѣ. Въ селѣ были тѣ же избы, крытыя соломой, тѣ же заморенныя лица дѣтворы, носившія печать истощенія и физическаго вырожденія.

Прошли годы, началась война: я рѣшила вернуться на родину, и на этотъ разъ ѣхала южнымъ путемъ: черезъ всю Италію, моремъ до Салоникъ, затѣмъ черезъ Грецію, Сербію, Болгарію и Румынію. Болгарія и Румынія представляли собой цвѣтущій садъ, на который нельзя было нарадоваться. Другое дѣло—Сербія: на этой странѣ лежала печать нищеты и убожества; селенія были похожи на самыя захудалыя наши деревни; населеніе, ободранное и голодное, осаждало вагоны на каждой остановкѣ, умоляя о кускѣ хлѣба. Несмотря на героизмъ патріотическихъ воиновъ, можно было заранѣе сказать, что судьба страны въ военномъ отношеніи рѣшена, что Сербія будетъ сметена.

*) Энергичный протестъ съ моей стороны и телеграмма брата Николая Трепову избавили меня отъ этого.

Когда мы пріѣхали на границу Сербіи, то первое, что мы увидѣли и кого услышали—былъ русскій казакъ, который кричалъ, бранился, толкалъ носильщиковъ, которые, по его мнѣнію, не соблюдали порядка. Тогда, обращаясь къ своимъ спутникамъ, я сказала: „вотъ второе ухудшенное изданіе Россіи“.

Сербія была разгромлена, но въ ту минуту никто, ни я, ни мои спутники не думали, не ожидали, что та же участь ждетъ наше собственное отечество, что пройдутъ какіе нибудь три года и наша Россія будетъ раскромсана на отдѣльные куски, что отъ нея будутъ отпадать наши западныя окраины, самыя культурныя, самыя сильныя экономически, что у насъ въ школѣ уже нельзя будетъ говорить, что Россія занимаетъ шестую часть всей земной суши, нельзя будетъ говорить, что она простирается отъ Бѣлаго моря до Чернаго и отъ Балтійскаго моря, которое мы почти потеряли, до дальнихъ береговъ Тихаго океана. Но фактъ на лицо—вся Россія въ развалинахъ.

Что же намъ дѣлать? Жить вѣчно среди развалинъ мы не можемъ; мы должны приложить всѣ усилія къ тому, чтобы возсоздать разрушенное. Хозяинъ разореннаго дома ходитъ по своему пепелищу, чтобы отобрать мусоръ и выбрать отдѣльные кирпичи.

Мы пережили годы тревожныхъ событій революціи и недавно праздновали ея годовщину. Когда хотятъ чѣмъ нибудь ознаменовать какое нибудь крупное историческое событіе, то берутъ мраморъ или гранитъ и строятъ памятникъ, или же создаютъ какое-либо учрежденіе, которое идейно связано съ этимъ событіемъ. Мнѣ кажется, нельзя не привѣтствовать инициативу нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятелей и лицъ различныхъ политическихъ партій, которые, памятуя годовщину февральской революціи, рѣшили организовать

„Просвѣтительное Общество въ память 27 февраля 1917 г.: „Культура и Свобода“. Въ этихъ словахъ: „Февральская революція 1917 г.“, „Культура и Свобода“ заключаются всѣ задачи и цѣли народившагося Общества: то, что оно создано въ честь памятнаго года, показываетъ, что организаторамъ и иниціаторамъ его дороги тѣ принципы, которые были провозглашены этой народной революціей. Народъ получилъ республику, онъ завоевалъ полноту политическихъ правъ и гражданскія свободы. Иниціаторы ставятъ своей задачею сохраненіе и укрѣпленіе этихъ началъ.

Слово „культура“ подразумѣваетъ культуру не матеріальную, а духовную, просвѣщеніе широкихъ массъ народа и его гражданское и политическое воспитаніе. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобъ свободныя учрежденія могли существовать необходимъ извѣстный уровень культурнаго развитія въ странѣ, и развѣ могутъ свободныя учрежденія сохраниться и развиваться при томъ низкомъ уровнѣ культурнаго развитія, на которомъ стоитъ громадное большинство русскаго народа?

Но какъ свобода не можетъ существовать безъ культуры, такъ же культура не можетъ существовать безъ свободы. Мы всѣ знаемъ, что при томъ режимѣ, при которомъ мы жили до 1917 года, всякое культурное начинаніе, всякая просвѣтительная иниціатива подавлялась, и мы не могли идти по тому пути, по которому давнымъ давно шли западно-европейскія государства.

Итакъ, Общество ставитъ своей задачей: подъемъ духовной культуры въ широкихъ слояхъ населенія; гражданское и политическое воспитаніе этихъ широкихъ массъ во имя сохраненія и укрѣпленія свободныхъ учрежденій. О томъ, какія средства будутъ для этого употреблены, я думаю, не нужно особенно распространяться, такъ какъ вы всѣ знаете, что просвѣтительными средствами являются: лекціи, курсы, подготовленіе лекторовъ, инструкторовъ, устройство библіотекъ, читаленъ и т. д. Членами Общества будутъ не столько отдѣльныя лица, сколько организаціи, различныя просвѣтительныя комиссіи, всевозможные союзы, просвѣтительныя общества и тому под., которые, въ лицѣ своихъ представителей, будутъ входить въ эту организацію и выставлять свои требованія и пожеланія, а Общество будетъ удовлетворять ихъ по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это Общество расчитываетъ сдѣлаться нужнымъ, необходимымъ центромъ для всей Россіи, для того, чтобы помогать провинціи въ ея просвѣтительныхъ стремленіяхъ и цѣляхъ. Эти цѣли, конечно, могутъ быть достигнуты только при единодушномъ стремленіи къ нимъ всѣхъ и каждаго.

Когда я жила въ Италіи на берегу Средиземнаго моря, то выходя на берегъ, я постоянно видѣла рыбаковъ и ихъ женъ; населеніе было бѣдно: оно жило только рыбной ловлей, тѣмъ, что давало зимнее море. На ломанномъ итальянскомъ языкѣ, которымъ я плохо владѣю, я распрашивала ихъ: какъ и чѣмъ они живутъ? Я видѣла, что то, что они зарабатываютъ представляетъ такую ничтожную сумму, что прожить на нее семьѣ почти невозможно.

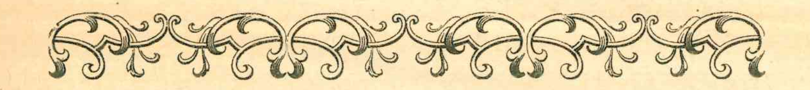
На мой вопросъ: какъ же и чѣмъ же они живутъ—рыбачка отвѣтила мнѣ словомъ „Speranza“, т. е. надеждой. Я думаю, что мы, русскіе люди, не можемъ пребывать, какъ эта рыбачка, въ пассивномъ состояніи надеждъ и упованій. Мы должны своимъ девизомъ выставить: самодѣятельность, иниціативу и починъ. Я думаю, что въ тѣхъ условіяхъ въ какихъ мы находимся, только этимъ путемъ можемъ какъ нибудь выбраться изъ тѣхъ развалинъ, которыми мы окру-

жены. Общество „Культура и Свобода“ имѣетъ затаенную мысль о возрожденiи Россiи. Конечно, это возрожденiе должно проходить по многимъ путямъ и многосторонни тѣ средства, которыя должны быть для этого употреблены. Инициаторы и основатели культурно-просвѣтительнаго Общества взяли только одинъ отдѣлъ; придутъ другiе люди, которые пойдутъ по другимъ колеямъ, но всѣ они должны имѣть цѣлью возрожденiе нашего отечества. Общество съ своей стороны предполагаетъ устроить цѣлый циклъ лекцiй и публичныхъ засѣданiй, въ которыхъ будутъ затрагивать различныя темы, имѣющiя въ виду это возрожденiе въ экономическомъ, политическомъ и духовномъ отношенiяхъ.

Я приглашаю всѣхъ васъ, по мѣрѣ своихъ силъ, оказывать поддержку вновь народившемуся Обществу; безъ этого оно будетъ осуждено на жалкое прозябанiе. Поддержка можетъ выражаться въ участiи въ комиссiяхъ его, въ пропагандѣ идей Общества, въ матерiальномъ содѣйствiи, въ распространенiи свѣдѣнiй объ этомъ Обществѣ, билетовъ на лекцiи и т. п. Все это необходимо, и я призываю васъ всѣми силами содѣйствовать этому начинанiю на пути къ духовному возрожденiю нашей родины.

Вѣра Фигнеръ.





II.

Революцiя и культура.

Революцiя только тогда плодотворна и способна обновить жизнь, когда она сначала совершается духовно—въ разумѣ людей, а потомъ уже физически—на улицахъ, на барикадахъ. Революцiя только тогда разумное и великое дѣло, когда она является естественнымъ и мощнымъ взрывомъ накопленной творческой силы народа, когда она вноситъ въ жизнь новыя мысли, новыя чувства.

Если же революцiонный взрывъ освобождаетъ только тѣ чувства и мысли, которыя накопилъ народъ, живя въ рабствѣ и угнетенiи, если это только взрывъ злобы, ненависти, мести—тогда передъ нами не революцiя, а бунтъ, онъ не способенъ измѣнить нашу жизнь, а только увеличить жестокость и зло.

Можемъ ли мы по совѣсти сказать, что за годъ революцiи русскiй народъ, освободившiйся отъ насилiй и гнета полицейско-чиновничьяго строя, сталъ лучше, добрѣе, умнѣе, честнѣе?

Нѣтъ, ни одинъ правдивый человѣкъ не скажетъ этого.

Мы продолжаемъ жить такъ же, какъ жили при монархiи, среди тѣхъ же обычаевъ, привычекъ и пред-

разсудковъ; такъ же глупо и грязно: своекорыстіе, жадность и злоба, воспитанные старымъ сроемъ, остались съ нами; люди также грабятъ и обманываютъ другъ друга, какъ всегда обманывали и грабили; новые чиновники берутъ взятки не хуже прежнихъ, а обращаются съ людьми грубѣе и наглѣе; жестокость становится все болѣе отвратительной.

Все дурное въ человѣкѣ освобождено, человѣкъ не хочетъ побороть и уничтожить въ себѣ все то злое и темное, что мѣшаетъ ему приняться за работу самовоспитанія, самоочищенія и созданія новыхъ формъ жизни.

Почему это? Потому, что мы столѣтія жили въ условіяхъ, которыя очень способствовали развитію въ человѣкѣ дурныхъ началъ, а добрыя начала—хирѣли и глохли. Власть, командовавшая Россіей, не заботилась о духовномъ развитіи народа, не старалась помочь росту его души; самодѣятельность человѣка всячески стѣсняли, заставляя всѣхъ жить по указкѣ бездарнаго начальства; не давали народу знаній, не развивали въ немъ ни любви къ труду, ни гордости плодами труда, держали народъ въ нищетѣ, въ грязи, во тьмѣ и, спаивая его казеннымъ ядомъ, исказили душу народа, отравили тѣло его.

И вотъ, теперь русскій человѣкъ, обладая полной свободой, не умѣетъ пользоваться великими благами ея, онъ употребляетъ свободу во зло себѣ и ближнему, рискуя совсѣмъ потерять то, что выстрадалъ вѣками. Постепенно разрушаются всѣ великіе результаты труда его предковъ, исчезаютъ національныя богатства и возможности увеличить сокворища земли. Разрушена промышленность, транспортъ, почта, разрушаются города, утопая въ грязи, гдѣ скрыты источники эпидемій, отъ которыхъ и теперь уже тысячами умираютъ полуголодныя дѣти. Если бы русскій человѣкъ былъ болѣе образованъ, если бы онъ могъ и умѣлъ цѣнить силу знанія—онъ не допустилъ бы этой постыдной разрухи. Если бы чувства и мысли наши были болѣе воспитаны, болѣе культурны—мы успѣли бы сдѣлать много добраго за истекшій годъ.

Мы ничего не сдѣлали и не чувствуется, что хотимъ приняться за дружную работу созданія новой Россіи.

Революція только тогда можетъ дать прекрасные плоды, если мы возьмемся настойчиво и упрямо за самовоспитаніе, если начнемъ широко развивать культурную работу.

Революція безъ культуры—дикій бунтъ, лишенный смысла и пользы, бунтъ не поможетъ народу стать добрѣе, умнѣе, честнѣе, онъ только окончательно разрушитъ, изуродуетъ человѣка.

Свободный народъ долженъ понять необходимость и наслажденіе свободнаго труда. Теперь передъ всѣми и каждымъ широко открыты пути къ наукѣ, искусству, каждый можетъ пользоваться всѣми духовными сокровищами мира, впитать въ себя все лучшее его, созданное тысячелѣтіями работы мысли и горѣнія сердца.

Только вооружась знаніемъ, мы будемъ непобѣдимы въ борьбѣ за жизнь, только немедленно приступивъ къ широкой культурной работѣ, мы сумѣемъ перевоспитать себя и спасемъ свою страну отъ гибели.

Намъ надо учиться думать, учиться чувствовать, учиться понимать самихъ себя. Необходимо, чтобы каждый понималъ, что именно унаслѣдовано имъ отъ

монархіи и необходимо, чтобы каждый чувствовалъ свою личную отвѣтственность за всю грязь и мерзость жизни.

Для спасенія нашего отъ грозныхъ несчастій, стерегущихъ насъ, необходимо дружное, всенародное стремленіе къ знанію, необходима немедленная культурная работа.

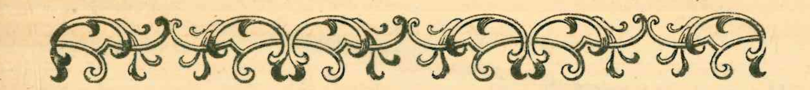
Если мы не позаботимся подвести подъ наши надежды и мечты прочный фундаментъ знаній—мы погибнемъ во тьмѣ и невѣжествѣ.

Если мы не усвоимъ основныхъ началъ культуры—мы позорно потеряемъ нашу свободу.

Нишимъ лозунгомъ долженъ быть лозунгъ „Свобода и Культура".

Максимъ Горькій.





III.

Культурная отсталость—источникъ нашего пораженія.

Годъ тому назадъ, въ дни, обвѣянные первымъ дыханіемъ мартовской революціи, напоенные великимъ революціоннымъ энтузіазмомъ свободнаго народа, въ эти дни передъ всѣми нами раскрывались свѣтлыя безоблачныя дали, необъятные горизонты. Надъ нами ярко горѣло тогда великое солнце свободы. Воздухъ насыщенъ былъ ароматомъ новыхъ словъ, ликующихъ, безпредѣльно-радостныхъ и объединяющихъ въ одномъ мощномъ порывѣ людей всѣхъ возрастовъ, всѣхъ классовъ.

И тогда крѣпко вѣрилось въ великое историческое чудо.

Тогда казалось, что наша страна, измученная и истощенная продолжительной войной, страна съ разстроеннымъ транспортомъ, расшатаннымъ народнымъ хозяйствомъ и съ испорченными финансами сумѣетъ преодолѣть внутреннюю разруху и поставить непреодолимую преграду для непріятельскаго нашествія. Тогда крѣпко вѣрилось, что мощные удары русской революціи громкимъ эхомъ отзовутся во всѣхъ углахъ Европы, что западно-европейскій пролетаріатъ чрезъ горы труповъ и моря крови протянетъ свою руку революціонному пролетаріату Россіи, совмѣстными усиліями заставитъ свои правительства прекратить чудовищную бойню и возстановитъ прочный демократическій миръ.

И тогда вѣрилось, что свободный русскій народъ, покончивши съ войной, приступитъ къ широкому творческому строительству своей жизни на началахъ справедливости, равенства и братства.

Тогда вѣрилось въ историческое чудо. Но по мѣрѣ того, какъ изживались первыя весеннія настроенія, гасла вѣра въ западно-европейскую революцію, исчезла надежда на скорое окончаніе войны, отодвигались въ непредѣленное будущее ожиданія новой жизни на началахъ свободы, равенства и братства. И теперь, послѣ цѣлаго года мучительныхъ тревогъ, надеждъ и разбитыхъ ожиданій мы видимъ, что опозоренная и обезоруженная Россія отдана на потокъ и разграбленіе германскому имперіализму, для котораго теперь нѣтъ никакихъ преградъ, нѣтъ препонъ, для котораго открыты всѣ пути, всѣ перепутья. Россія въ настоящее время—раба, Россія—батракъ, Россія—предательница западно-европейскаго пролетаріата. Россія въ настоящее время простой географическій терминъ, ибо нѣтъ той Россіи, которая была прежде, нѣтъ той страны, которая носила прежде названіе Россіи. Россія—безъ денегъ, безъ работы, Россія—огрызокъ, на который со всѣхъ сторонъ напали имперіалисты запада и прежде всего имперіалисты нѣмецкіе, огрызокъ, на которомъ всѣ ужасы голода, разрухи, гибели промышленности и гражданской войны.

Годъ тому назадъ, въ свѣтлые революціонные дни вѣрилось, что русскій народъ сумѣетъ устроить свою судьбу чрезъ Учредительное Собраніе. Но затѣмъ рабочему классу стали говорить, что Россія вотъ-вотъ вступитъ въ царство социализма; явились люди, которые завѣрили рабочихъ, что насажденіе социализма въ Россіи вполнѣ возможно и что для этого нужно прежде всего разогнать Учредительное Собраніе и использовать силу

пулеметовъ, гранатъ и винтовокъ,—и рабочій классъ, носящій въ своемъ сердцѣ великій гнѣвъ эксплуатируемыхъ противъ эксплуататоровъ, пошелъ за людьми, которые обѣщали ему рай на землѣ. Рабочему классу и въ настоящій моментъ трудно отрѣшиться отъ тѣхъ иллюзій, съ которыми онъ сжился въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, трудно отказаться отъ надеждъ на водвореніе соціалистическаго рая на землѣ, но суровая и неприкрашенная дѣйствительность съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе доказываетъ, что чаянія и надежды, возникшія въ средѣ рабочаго класса, на немедленное насажденіе въ Россіи социализма, это блуждающіе огни, которыя заводятъ рабочій классъ все дальше и дальше въ непроходимую трясину. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, что такое тотъ соціализмъ, который путемъ насилія вводится большевиками въ нашей русской жизни? У буржуазіи отнимается имущество, берется богатство, но развѣ это имущество, развѣ эти капиталы переходятъ въ распоряженіе трудовыхъ массъ? Развѣ уничтожается собственность? Развѣ на самомъ дѣлѣ вмѣсто одниxъ собственниковъ не являются другіе? Развѣ увеличилась производительность труда, развѣ облегчились условія трудовой жизни, развѣ нашъ рабочій классъ въ результатѣ всѣхъ большевистскихъ опытовъ не очутился передъ всѣми ужасами безработицы, нищеты, разоренія и голода? Развѣ тѣ лица, которыя сулили свѣтлое царство соціализма на самомъ дѣлѣ не загнали рабочій классъ въ мрачное холодное и голодное подполье?

Крестьянству обѣщана была большевиками великая земельная реформа, но то, что происходитъ въ настоящее время въ деревнѣ, развѣ говоритъ о проведеніи въ жизнь этой реформы? Развѣ по селамъ и деревнямъ не совершается переходъ земли въ руки

хищныхъ ловкихъ людей, какъ совершается переходъ частной собственности въ городахъ въ руки болѣе беззастѣнчивыхъ и болѣе пронырливыхъ людей? Развѣ тамъ земельная собственность уничтожается? Развѣ не являются новые владѣльцы земли? И развѣ эти алчущіе и жаждущіе люди, со всѣхъ сторонъ тянущіеся къ землѣ, создадутъ прочный земельный порядокъ? Развѣ текущей весной не будемъ мы зрителями междуусобной крестьянской войны, войны изъ которой можетъ выйти что угодно, новое частное землевладѣніе, возрожденіе стараго помѣщичьяго хозяйства, но, во всякомъ случаѣ, не та великая земельная реформа, которую обѣщали крестьянству?

И вотъ, теперь, когда передъ нашими глазами погибающая, опозоренная извнѣ, разрушаемая извнутри, наша несчастная родина,—этотъ страшный призракъ разлагающейся Россіи,—въ это время у насъ не можетъ бытъ прежняго весенняго, свѣтлаго настроенія, не можетъ быть и того революціоннаго энтузіазма, который озарялъ насъ въ первые дни великой русской революціи.

Почему многообѣщавшая революція заканчивается распадомъ и разложеніемъ? Почему революціонная Россія потерпѣла пораженіе извнѣ и разлагается извнутри? Послѣдующіе ораторы, несомнѣнно, дадутъ полное освѣщеніе этимъ вопросамъ. Я же хочу здѣсь только указать на одну причину нашего внѣшняго и внутренняго пораженія: на нашу культурную отсталость.

Для нашего народа, только что сбросившаго иго самодержавія и вынужденнаго продолжать истощающую войну, предстояло два пути. Одинъ путь велъ къ возможно полному удовлетворенію всѣхъ личныхъ, групповыхъ, профессіональныхъ и классовыхъ интересовъ.

Этотъ путь обѣщалъ трудовому народу уничтоженіе всѣхъ историческихъ несправедливостей, уврачеваніе всѣхъ соціальныхъ недуговъ, исцѣленіе всѣхъ застарѣлыхъ болей. Онъ обѣщалъ хлѣбъ, миръ, волю и свободу. Съ неудержимой силой трудовыя массы готовы были идти и пошли по этому пути за тѣми, кто обѣщалъ имъ немедленное наступленіе на землѣ соціалистическаго рая. На этотъ путь и толкали рабочихъ и крестьянъ большевики. Но наша революція совершилась во время войны. Война и внутренняя разруха, вызванная войной, сурово требовала отъ русскаго народа иного пути. Во имя защиты страны отъ надвигающейся гибели она требовала ограниченія своихъ требованій, отказа отъ своихъ притязаній. Война требовала отъ всѣхъ насъ самоограниченія и жертвъ во имя сохраненія цѣлаго, во имя защиты русской культуры, завоеваній революціи, нерушимости нашего національнаго единства. Война и революція толкали только что освободившійся народъ по разнымъ путямъ, и нашей трудовой демократіи предстояла великая опасность, какъ бы преслѣдуя свои личные групповые классовые интересы, не разрушать въ тоже время то цѣлое, сохраненіе котораго только и гарантируетъ удовлетвореніе всѣхъ наболѣвшихъ нуждъ трудовыхъ классовъ. Но для того, чтобы избѣгнуть этой опасности, необходимы были особаго сорта культурные навыки: привычка къ напряженному труду, любовь къ родинѣ, способность жертвовать своими личными интересами во имя интересовъ общаго цѣлаго, своими групповыми интересами во имя интересовъ нашей русской культуры, любовь къ этой культурѣ и умѣнье защищать ее. Война и революція требовали созданія новой психологіи. Мы знаемъ, что революціонная трудовая демократія, поставившая на первый планъ разрѣшеніе своихъ личныхъ

групповыхъ, профессіональныхъ классовыхъ интересовъ, не сумѣла по своей духовной малокультурности, не могла справиться со второй задачей, не сумѣла защитить цѣлаго, не сумѣла проникнуться чувствомъ государственности, не обнаружила даже пониманія своей кровной связи съ находящейся въ смертельной опасности родиной.

— „Мы—тульскіе, мы—пензенскіе, мы—орловскіе“. — Это настроеніе среди крестьянъ не давало возможности имъ подняться до надлежащей культурной высоты, почувствовать боль и скорбь за тѣ удары, которые наносились родной землѣ, почувствовать жгучій стыдъ за то, что во время величайшихъ испытаній, грозящихъ самому бытію государства, они остались только „тульскими“, только „пензенскими“, только „орловскими“. Рабочій классъ, домогаясь удовлетворенія своихъ классовыхъ интересовъ, не расчитывалъ, что чрезмѣрнымъ предъявленіемъ требованій и пониженіемъ трудоспособности онъ можетъ разрушить промышленность и затруднить дѣло обороны страны. Страшное паденіе производительности труда во всѣхъ отрасляхъ промышленной и экономической жизни и неудержимый ростъ предъявляемыхъ рабочими требованій все болѣе и болѣе увеличивалъ разруху и обезсиливалъ государственную жизнь. Совершавшаяся на глазахъ гибель родины, требовавшей отъ всѣхъ своихъ сыновъ жертвы, подвига, подчиненія классовыхъ задачъ задачамъ общенаціональнымъ, не вызывала въ рабочемъ классѣ соотвѣтствующаго настроенія и не сопровождалась соотвѣтствующимъ подъемомъ національнаго чувства.

Наша буржуазія во время революціи не сумѣла возвыситься надъ своими чисто-классовыми интересами. Она не нашла твердой политической линіи въ своихъ отношеніяхъ къ рабочему классу, не сумѣла вступить

съ нимъ въ соціальный компромиссъ. Общенаціональная задача, требовавшая отъ буржуазіи жертвъ во имя защиты родины и государства, не стояла во всей своей грозной неотложности предъ классомъ имущихъ въ великіе страшные дни разложенія и распада государственнаго тѣла Россіи.

А что сказать объ арміи?

Предъ арміей стояла великая задача — защита страны и революціи. Но во имя личнаго самосохраненія и непосредственныхъ захватовъ, во имя неудержимаго стремленія къ миру, миру какому-бы то ни было, миру тяжкому, архипозорному, „похабному“ миру, темные полуграмотные солдатскіе массы растоптали своими сапогами идею независимой свободной родины и бросили обезоруженную беззащитную страну подъ ноги иноземному завоевателю.

Теперь мы докатились до распада и уничтоженія государства.

Некультурныя темныя народныя массы пошли за демагогами. Большевисткіе призывы „грабь награбленное“ и большевисткіе опыты насажденія въ отсталой некультурной странѣ „соціализма и коммунизма“ привели къ всеобщему одичанію обнищанію и разоренію. Теперь во славу „коммунизма“ уничтожаются производительныя силы страны, душится общественность, разжигаются темные массовые инстинкты, совершаются самосуды, насилія, убійства, безсудныя казни.

Неизбывными страданіями, разореніемъ и позоромъ наградилъ насъ истекшій годъ революціи. Но полученный нами урокъ не можетъ пройти безслѣдно, ибо стихійный процессъ нашей революціи съ убійственной яркостью выявилъ предъ всѣми нами нашу основную болѣзнь, подтачивавшую всѣ здоровые корни государственной жизни. Мы не сумѣли подняться до понима-

нія раскрывающихся предъ нами задачъ. За личнымъ, групповымъ, классовымъ мы не видѣли общаго, государственнаго, національнаго. Мы болѣли отсутствіемъ общенаціональной спайки между классами и неумѣньемъ понимать и разрѣшать общенаціональные задачи. Мы еще не доразвились до удовлетворительнаго разрѣшенія единой задачи—обороны страны и возсозданія государственности.

И тутъ мы непосредственно подходимъ къ вопросамъ культурнаго развитія. Война требовала отъ всѣхъ гражданъ точнаго и яснаго пониманія ея цѣлей. Она требовала стойкости, общественной дисциплины, коллективной самодѣятельности, высокаго политическаго развитія и тѣснаго сплоченія около общенаціональной задачи—спасенія страны и революціи. Война требовала отъ широкихъ массъ высокаго уровня культурнаго развитія, но русскій народъ по своему культурному уровню оказался ниже предъявленныхъ ему требованій и національная задача оказалась неразрѣшенной.

Россія переживаетъ дни позора, униженія, распада государственности.

Возстанетъ ли она отъ тѣхъ ударовъ, которые наносятся ей и врагами и вчерашними друзьями. Найдетъ ли она въ себѣ достаточно силъ сбросить съ себя позорное ярмо Бретскаго договора и объединиться въ мощномъ порывѣ національнаго подъема.

Будущее скоро отвѣтитъ на эти вопросы. Но и теперь ясны для насъ дальнѣйшія переспективы. Россія можетъ возродиться, если всѣ интеллигентныя силы страны немедленно приступятъ къ жестокой борьбѣ съ нашимъ стариннымъ врагомъ—народной некультурностью. Надо развить въ людяхъ уваженіе къ человѣческой личности, привить навыки къ напряженному

труду. Надо пріучить людей цѣнить продукты коллективнаго человѣческаго творчества и русской культуры, любить до боли свою родную страну, страдать вмѣстѣ съ ней и умирать за нее. Нодо доразвиться до стыда, жалости и состраданія за свою опозоренную родину, надо проникнуться негодованіемъ и ненавистью противъ насильниковъ и въ мощномъ единомъ порывѣ слить свою индивидуальность съ тѣми людьми, которые страстно рвутся къ возрожденію Россіи.

Предъ нами громадныя задачи. Разрѣшить ихъ можно только общими усиліями. Къ неустанной творческой работѣ надъ рѣшеніемъ поставленныхъ предъ Россіей задачъ мы и зовемъ всѣхъ васъ!

В. Архангельскій.





IV.

Революція и развитіе рабочаго сознанія.

Мы сейчасъ, годъ спустя послѣ начала революціи, присутствуемъ при довольно любопытномъ зрѣлищѣ: народъ, завоевавшій себѣ свободу, своими собственными руками эту свободу какъ бы задушилъ, ибо, дѣло не въ какихъ либо отдѣльныхъ герояхъ, не въ отдѣльныхъ личностяхъ, а дѣло все таки въ самой народной массѣ въ конечномъ счетѣ. Это обстоятельство я и желаю выяснить.

Прежде всего необходимо отмѣтить, что наша революція была не столько революціей великаго сознанія, сколько революціей великаго гнѣва. Эту революцію породила не степень сознанія рабочаго класса, а степень распутинско-протопоповскаго режима и въ этомъ, въ сущности говоря, и была опасность для будущаго революціи,—была опасность въ томъ отношеніи, что она явилась результатомъ не накопленныхъ творческихъ силъ, а результатомъ накопленнаго гнѣва и отчаянія. Это была въ полномъ смыслѣ революція отчаянія и, какъ революція отчаянія, она, конечно, должна была дать себя знать. Она должна была дать себя знать въ томъ смыслѣ, что рабочій классъ съ логической неизбѣжносью долженъ былъ обнаружить свою отсталось. Эта неизбѣжность проявилась не сразу. Произошелъ во время революціи довольно любопытный процессъ и этотъ





процессъ я назвалъ бы не „истребленіемъ лучшихъ“, какъ назвалъ его одинъ академикъ въ своей интересной и цѣнной статьѣ, а я назвалъ бы его „вытѣсненіемъ“ лучшихъ: революція постепенно вытѣсняла изъ участія въ творчествѣ жизни лучшіе элементы. Это несомнѣнно такъ. Громадная масса народа пріобщалась къ этой революціи впервые, пріобщалась къ этой революціи при самомъ варварскомъ средневѣковомъ представленіи о правахъ человѣка и человѣческой личности, и всѣ эти варварскія представленія о правахъ человѣка живутъ теперь въ своеобразномъ правосознаніи, въ томъ правѣ, которое сейчасъ творится по разнымъ селамъ и деревнямъ Россіи. Объ этомъ вы можете читать ежедневно въ газетахъ. И вотъ сейчасъ это отсталое правосознаніе, какъ результатъ стараго многовѣковаго деспотизма, неизбѣжно оказалось въ тѣхъ переживаніяхъ, которыми захвачены не только солдатскія и крестьянскія, но и рабочія массы. И здѣсь, конечно, прежде всего необходимо отмѣтить тотъ невѣроятный предразсудокъ, то невѣроятное заблужденіе, которое всегда было у соціалистовъ всѣхъ партій и всѣхъ оттѣнковъ по отношенію къ рабочей массѣ. И я бы сказалъ, какъ разъ то теченіе, къ которому я принадлежу,—часто злоупотребляло тѣмъ, что называется „психологіей рабочаго класса“. Предполагалось, что поскольку рабочій принадлежитъ къ фабрикѣ или заводу, постольку тѣмъ самымъ онъ уже является и носителемъ пролетарскаго сознанія. На рабочій классъ возлагалась какая то спеціальная миссія. Предполагалось, что на рабочій классъ сознаніе нисходитъ какъ то мистически,—оно нисходитъ на него въ тотъ моментъ, когда онъ пріобщается къ фабрикѣ или заводу. Этотъ предразсудокъ, это наивное представленіе о народномъ сознаніи жило и живетъ еще и до сихъ

поръ среди лидеровъ, среди представителей различныхъ соціалистическихъ партій.

Въ сущности говоря, когда говорятъ о революціи на Западѣ, то не учитываютъ этой степени рабочаго сознанія, а эта степень рабочаго сознанія, не только въ Россіи, но и на Западѣ, не есть какая то прямая линія, а линія зигзагообразная, съ возвращеніемъ назадъ. Мы знаемъ такіе примѣры, когда въ рабочій классъ вливается пришлый деревенскій элементъ, и движеніе рабочаго класса, степень рабочаго сознанія вмѣсто того, чтобы идти впередъ, идетъ назадъ. Это явленіе было не только у насъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ эпоху второй революціи, но это явленіе наблюдается сейчасъ и въ западной Европѣ и никто иной, какъ Беренштейнъ, одинъ изъ знатаковъ германскаго рабочаго класса, опредѣлено заявляетъ, что сейчасъ нѣтъ никакой надежды въ Германіи, по крайней мѣрѣ въ ближайшій моментъ, на соціальную революцію, ибо рабочій классъ въ Германіи сейчасъ находится въ состояніи духовнаго отупѣнія, благодаря войнѣ. У насъ получило господство наивное представленіе о какомъ то катаклизмѣ, о томъ, что война непремѣнно механически вызываетъ соціальную революцію. Это заблужденіе царитъ до сихъ поръ. А между тѣмъ война не вызываетъ соціальной революціи, а благодаря ужасному нажиму, производящему оглушеніе рабочаго класса, наоборотъ: она создаетъ такую степень отчаянія и отупѣнія, которыя какъ разъ препятствуютъ соціальной революціи. И только у насъ въ Россіи при распутинско-протопоповскомъ режимѣ возможна была при психологіи отчаянія революція и именно, какъ революція отчаянія, а не какъ революція творческаго сознанія. Когда эта революція произошла, когда всѣ творческія элементы страны

желали задержать этотъ стихійный процессъ разрушенія, они порывались творить. Но я повторяю, начался процессъ вытѣсненія лучшихъ и этотъ, процессъ вытѣсненія лучшихъ былъ и въ рабочихъ коллективахъ, онъ былъ въ солдатскихъ комитетахъ на фронтѣ и въ тылу и т. д. И этотъ процессъ шелъ, и былъ процессомъ возвращенія назадъ къ озвѣренію, къ отсталымъ инстинктамъ...

Въ результатѣ этого вытѣсненія были возможны тѣ событія, которыя послѣдовали послѣ октября и которыя продолжаются въ теченія пяти мѣсяцевъ. Это—тѣ событія, которыя рисуютъ страну какимъ то ужаснымъ кошмарнымъ зломъ, страну, надъ которой Европа уже ставитъ крестъ, какъ надъ страною варварскою, азіатскою, неспособной ни на какое творческое строительство.

Во избѣжаніе недоразумѣній, я заранѣе оговорюсь: когда я говорю объ отсталыхъ элементахъ народа, то я лучше всякаго краснобая, лучше всякаго декламатора понимаю, что въ народныхъ низахъ и въ рабочихъ массахъ заложено еще много творческихъ элементовъ, и въ этомъ смыслѣ, конечно, я вѣрю въ Россію, быть можетъ, болѣе, чѣмъ, 350 демагоговъ вмѣстѣ взятыхъ... Я хочу только нарисовать правильную картину жизни, я хочу сказать, что для многихъ изъ насъ тѣ явленія жизни, при которыхъ мы присутствуемъ, являются, быть можетъ, неожиданностью; несомнѣнно они порождаютъ въ душѣ чувство глубокаго разочарованія, чувство глубокаго отчаянія, но это неизбѣжное настроеніе необходимо въ себѣ подавить. Необходимо разъ навсегда сказать себѣ, что мы не только по отношенію къ прогрессу русской жизни, но какъ показала война, и по отношенію къ прогрессу всего человѣчества въ цѣломъ, имѣли величайшія иллюзіи,

которыя заключались въ томъ, что мы не учли того, что въ общемъ народныя массы еще въ громадной степени нуждаются въ культурѣ, нуждаются въ развитіи своего сознанія. Если вы, съ одной стороны, видите отдѣльныя кучки людей, которыя интересуются общими вопросами бытія, которыя восприняли всѣ цѣнности науки, искусства и литературы, то съ другой стороны, въ одномъ и томъ же городѣ вы можете наблюдать невѣроятное проявленіе средневѣковья. Чтобы показать вамъ наглядно, какой контрастъ бываетъ въ одномъ и томъ же городѣ, остановлю ваше вниманіе на слѣдующемъ примѣрѣ. Что такое Петроградъ? Это—столица большого государства, культурный центръ, гдѣ есть музеи искусства, гдѣ есть наука, большія библіотеки. Тѣмъ не менѣе, въ этомъ городѣ былъ возможенъ въ началѣ этой войны такой процессъ: на Выборской сторонѣ у мирового судьи двѣ женщины обвиняли гадалку въ томъ, что она взяла съ нихъ 125 руб. и черную юбку за то, чтобы спасти ихъ мужей изъ германскаго плѣна, гдѣ они находились. Для этого, по словамъ гадалки, необходимо была почему то черная ночь, т. е. отобраніе этой черной юбки у бѣдныхъ женщинъ. И вотъ эта черная ночь—черный костюмъ—фигурировалъ на судѣ, какъ образчикъ невѣроятнаго средневѣковья и невѣроятнаго варварства. Это было въ Петроградѣ, центрѣ культуры. Поэтому не приходится удивляться, что есть Совѣты рабочихъ депутатовъ, которые выносять постановленіе: „изъять изъ земскихъ библіотекъ всѣ буржуазныя книги". Во избѣжаніе недоразумѣній и въ виду того, что здѣсь, быть можетъ, есть товарищи, которые читаютъ только одну газету, а другихъ не читаютъ, я скажу, что это напечатано въ „Новой Жизни". Я смѣю успокоить скептиковъ, что это—правда, что это, къ сожалѣнію,

является фактомъ, и этотъ фактъ наводитъ на весьма грустныя размышленія. Я говорю объ этомъ элементѣ дикости, который живетъ въ глубинѣ народныхъ массъ; онъ является исторически неизбѣжнымъ, но съ нимъ, конечно, приходится не мириться, а бороться. Но борясь съ нимъ, не надо предаваться иллюзіи, что мы созрѣли для какого то коренного переворота; для коренного переворота мы не созрѣли. Повторяю; не только наша жизнь, жизнь большого культурнаго города, но весь прогрессъ человѣчества напоминаетъ ужасныя кошмарныя дьявольскія качели, о которыхъ говоритъ одинъ изъ второстепенныхъ народническихъ писателей Засодимскій. Что такое дьявольскія качели? Это—американская выдумка. Когда качели дѣлаютъ одинъ шагъ, а вертятся съ привинченной мебелью полъ и потолокъ, то человѣку кажется, что онъ самъ быстро вертится, а между тѣмъ онъ стоитъ на одномъ мѣстѣ, видитъ своихъ знакомыхъ, наблюдаетъ жизнь большого культурнаго города, но онъ не знаетъ, что онъ живетъ, по блестящему выраженію Горькаго—въ уѣздной Россіи, гдѣ такіе города являются отдѣльными очагами, отдѣльными маяками въ общемъ океанѣ темноты и невѣжества. Это приходится учитывать. Когда этотъ океанъ невѣжества и темноты начинаетъ дѣйствовать, то онъ въ лицѣ солдатъ, вооруженный ружьями, начинаетъ разрушать культуру, а не творить. Чтобы не быть голословнымъ, я прочту вамъ отрывокъ о томъ, какъ разгромили музей Терещенко въ Кіевѣ. Этотъ музей, по своимъ культурнымъ цѣнностямъ, является первымъ послѣ Эрмитажа, онъ равенъ Московской Третьяковской галлереѣ. Въ этомъ музеѣ была прекрасная картина Полѣнова „Христосъ на Генисаретскомъ озерѣ". Картина эта была истоптана сапогами. Когда на вопросъ: „Кто рисовалъ?"—послѣдовалъ от-

вѣтъ: „Полъновъ", то раздались крики: „Полѣновъ?— А нука давайте сюда полѣньевъ!" Остальные картины прокалывались штыками, уродовались прикладами, зажжеными головнями. А то срывали со стѣнъ и, кидая на полъ, отплясывали на нихъ трепака. Въ 2—3 часа отъ пятисотъ съ чѣмъ-то картинъ ничего не осталось. Какія то лохмотья, куски рамъ и больше ничего. Я не обвиняю этихъ людей: эти люди темные, эти люди несчастные; они не знали, что творили. Но тѣ люди, которые знаютъ, что это вредъ и молчатъ,— эти люди, являются виновниками. Я хочу сказать слѣдующее: быть можетъ найдутся люди, которые скажутъ „ну что-же, это былъ музей Терещенко, музей буржуа— такъ и чортъ съ нимъ!" Конечно, для такихъ людей не страшны никакіе доводы, ихъ ничѣмъ не убѣдишь, Но я попробую убѣдить ихъ примѣромъ Парижской коммуны,, той Парижской коммуны 71 года, на которую ссылаются въ настоящее время. Во время Парижской коммуны, былъ разрушенъ домъ Тьера, а Тьера смѣшно сравнивать съ Терещенко, т. к. Тьеръ былъ кровожадный человѣкъ; и нужно быть самымъ пошлѣйшимъ демагогомъ, чтобы приравнивать Терещенко къ Тьеру. Тьеръ былъ кровопускатель, настоящій врагъ рабочихъ, убѣжденный монархистъ. Въ его домѣ была громадная коллекція фарфоровыхъ издѣлій. Знаете, что сдѣлали парижскіе рабочіе при разрушеніи его дома? Они не тронули этихъ фарфоровыхъ издѣлій, а перенесли ихъ въ музей. Одинъ изъ Парижскихъ коммунаровъ сказалъ слѣдующія слова: „перенесемъ цѣнности, которыя напли у Тьера, въ музей въ общее пользованіе народа; пусть будущія поколѣнія не скажутъ про насъ,, что мы—варвары"... Такъ было въ это историческое время парижской коммуны, такъ дѣйствовали парижскіе куммунары... Въ то время, какъ парижскій ком мунаръ, сапожникъ Дюреръ призывалъ къ тому, чтобы изъ городскихъ ломбардовъ выдавали безплатно книги тѣмъ, кто эти книги заложилъ, т. к. книги должны находиться у читателей, въ то время, какъ онъ призывалъ бережно относиться къ книгамъ, у насъ разрушаются культурныя сокровища. У насъ есть совѣты рабочихъ депутатовъ, которые дѣлаютъ выемки такъ называемыхъ буржуазныхъ книгъ.

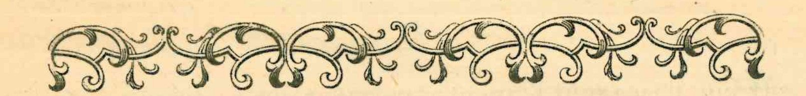
Я хочу сказать, что для развитаго рабочаго сознанія никакая буржуазная наука, никакія буржуазныя книги не страшны и, во всякомъ случаѣ, все то, что создала буржуазія въ области культуры, науки и искусства, должно быть воспринято рабочимъ классомъ. Если рабочій классъ этого не восприметъ, онъ останется варваромъ. И, если нѣкоторымъ товарищамъ это еще, непонятно то я сошлюсь на слова г. Луначарскаго, который уже сказалъ въ Маріинскомъ театрѣ артистамъ, что рабочій классъ долженъ усвоить всю культуру, которая создана до него. Слава Богу! Только на государственной службѣ познаешь истину!..

Въ заключеніе я хочу сказать слѣдующее: въ концѣ концовъ буржуазная наука и искусство должны быть восприняты народными массами, должны быть внесены какъ общечеловѣческія цѣнности въ царство свободнаго будущаго. Это необходимо въ интересахъ культуры и демократіи, это является одной изъ важнѣйшихъ задачъ вновь возникающаго О-ва „Культура и Свобода" Культура опасна всѣмъ тѣмъ, кто строитъ свое могущество на темнотѣ и невѣжествѣ народныхъ массъ... Культура опасна и всегда была опасна для Побѣдоносцевыхъ, и Побѣдоносцевъ откровенно сказалъ, что „грамота вредна, потому что она просвѣщаетъ мужика". Я скажу, что каждое произведеніе искусства, воспринятое крестьяниномъ и рабочимъ, опасно для всякихъ

дѣлателей экспериментовъ, потому что искусство пробуждаетъ въ человѣческой душѣ добрыя чувства, развиваетъ въ немъ человѣческое сознаніе, уничтожаетъ оргіи кровавыхъ самосудовъ. Наука развиваетъ умъ, дѣлаетъ человѣка свободнымъ отъ предразсудковъ, а свободный отъ предразсудковъ человѣкъ не дѣлается жертвой и игрушкой въ рукахъ диктаторовъ и демагоговъ. Таково дѣйствіе науки. И поэтому, борьба съ этой тьмою является вмѣстѣ съ тѣмъ и борьбою за развитіе принциповъ демократіи и борьба за утвержденіе ихъ въ этомъ смыслѣ. Вотъ почему мнѣ хочется закончить стихами Пушкина, одного изъ величайшихъ нашихъ поэтовъ-гуманистовъ: „Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!“

И. Кубиковъ.





V.

Культурно-просвѣтительныя общества на Западѣ.

Нарождается новое большое дѣло: новое, широко организованное просвѣтительное общество.

„Культура и Свобода“—таковъ девизъ общества, таково и его названіе. Естественно встаетъ вопросъ, которымъ могутъ задаться многіе изъ васъ: нужно ли это новое Общество? Недостаточно ли уже существующихъ?

Вправѣ ли мы,—въ переживаемые сейчасъ трудные, трагическіе дни,—тратить лишнія усилія, требовать труда и жертвъ на новое сложное учрежденіе. Нельзя ли развить, укрѣпить существующія организаціи и этимъ ограничиться?

Таковы вопросы, на которые надо въ первую очередь отвѣтить.

Не далеко ходитъ за отвѣтомъ. Само собою все напрашивается: стоитъ только ближе всмотрѣться въ то, что окружаетъ насъ: въ безконечную вереницу тяжелыхъ фактовъ косности и дикости на протяженіи самыхъ послѣднихъ дней... Стоитъ только вспомнитъ жалкую картину, какую представляютъ наши культурно-просвѣтительныя дѣла, какая въ нихъ разрозненность, несогласованность, бѣдность средствами и людьми,—и сразу ясно, что въ данный моментъ *невозможно* говорить о какихъ-либо *излишнихъ*, о *ненужныхъ*, *добавочныхъ* усиліяхъ и затратахъ на просвѣщеніе. Всякій новый коллективный двигатель-

свѣжій разсадникъ знанія на этомъ пути, всякій добавочный источникъ просвѣтительной дѣятельности—уже самъ по себѣ благо.

Но въ нашемъ распоряженіи еще одинъ, и—быть можетъ—наиболѣе надежный способъ провѣрить себя: дѣйствительно ли мы идемъ по правильному пути, создавая на новыхъ началáхъ наше Общество? Такой способъ провѣрки учредители Общества пытались поискать на опытѣ *Запада*. На примѣрѣ, съ одной стороны, той большой культурной работы, которая вѣками велась за рубежемъ и за океаномъ всѣми мѣстными общественными силами. Съ другой стороны, на той борьбѣ соціалистическихъ партій, профессіональныхъ рабочихъ союзовъ и другихъ демократическихъ организацій за *свое* право вершать дѣло просвѣщенія своихъ сочленовъ и ихъ духовнаго возрожденія,—борьбѣ, которая безпрерывно шла въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, тамъ же на Западѣ.

На Западѣ, какъ и у насъ, одна государственная власть никогда не въ состояніи была охватить всѣ области насажденія знаній, всѣ стороны народнаго образованія. Если въ сферѣ *школьнаго* дѣла, въ тѣсномъ смыслѣ слова,—созданія школъ для юношества,—государства Западной Европы достигли дѣйствительно образцовой постановки, то нельзя того же сказать о *внѣшкольныхъ* начинаніяхъ. Какъ разъ въ этой области,—гдѣ основной задачей ставится достиженіе *настоящаго равенства въ духовномъ развитіи* взрослыхъ людей, настоящаго *равенства въ гражданственности*, гдѣ идетъ обслуживаніе *болѣе широкихъ умственныхъ запросовъ*,—государственная власть даже въ Англіи, Америкѣ, Австріи оказалась позади требованій времени.

Для того, чтобы расширить кругозоръ той части трудового населенія, которая вышла изъ школьнаго возраста и, весь день поглощенная заработкомъ, имѣетъ только считанные часы для пополненія своихъ знаній, требуется особенно чуткое приноровленіе къ ея потребностямъ. Требуется разнообразіе пріемовъ, творчество: не учеба по школьнымъ шаблонамъ, а достаточно *эластичная* форма курсовъ или бесѣдъ, пріуроченныхъ къ нуждамъ данной среды, умѣлый подборъ лекцій, подысканіе наиболѣе соотвѣтственнаго матеріала для концертовъ, вечеровъ и т. д., и т. д. Все это оказалось не по силамъ ни бюрократіи государства съ ея тяжеловѣсной машиной, ни даже ближе стоящимъ къ жизни органамъ самоуправленія. Такъ, въ Германіи до послѣдняго времени только 1/5 муниципалитетовъ включала въ кругъ своего вѣдѣнія дѣла внѣшкольнаго образованія, а центральное правительство всего на всего затрачивало 100.000 руб. въ годъ на сельскія общества и этимъ ограничивалось. Поэтому и нужна была сначала частная иниціатива, необходимъ былъ подъемъ общественнаго настроенія, а затѣмъ настойчивая работа демократическихъ партій и профессіональныхъ союзовъ, чтобы широко поставить эту отрасль культурно-просвѣтительнаго дѣла.

Какъ же эта работа велась? *Два* пути намѣтилось для нея.

Одинъ путь—это старый типъ обществъ поощренія народнаго образованія. Такія общества создавались обыкновенно по иниціативѣ отдѣльныхъ людей—людей незаурядныхъ, съ высокимъ умомъ, благороднымъ сердцемъ, съ необыкновенной преданностью дѣлу. При ихъ ближайшемъ участіи, частныя общества создавали народные университеты, народныя чтенія, народные дома, музеи, курсы. Несомнѣнно, что благо-

даря частнымъ просвѣтительнымъ обществамъ, которыя создавались такимъ почином благотворителей, на Западѣ было сдѣлано много крупнаго и серьезнаго для широкаго просвѣщенія народныхъ массъ. Многія сотни тысячъ трудовыхъ людей прошли черезъ народные университеты и курсы этихъ обществъ, перебывали на устроенныхъ ими лекціяхъ, образовательныхъ чтеніяхъ, вечерахъ...

Къ этому типу слѣдуетъ отнести во *Франціи* возникшее въ началѣ прошлаго вѣка, въ Наполеоновскіе сто дней, первое „О-во элементарнаго образованія" (Société pour l'instruction élémentaire). Какъ ни были скромны и умѣрены цѣли общества, на первыхъ порахъ устраивавшаго только учебныя занятія по правительственной системѣ; какъ ни былъ надеженъ составъ его первыхъ членовъ вродѣ чистыхъ филантроповъ—Жана Баптиста Сэя, Ларошфуко, и др., оно казалось революціоннымъ для той дворянской-церковной коалиціи, которая задавала тонъ въ эпоху реставраціи Бурбоновъ.

Больше надеждъ было связано съ возникновеніемъ въ Парижѣ другого центральнаго просвѣтительнаго общества „Association Polytechnique"—Политехнической Ассоціаціи. Самое основаніе Ассоціаціи стояло въ связи съ событіями іюльскихъ дней 1830 года. Непосредственно послѣ происходившей въ эти дни баррикадной борьбы, нѣсколько бывшихъ студентовъ политехникума отправляются въ больницу Сенъ-Клу читать лекціи раненымъ рабочимъ,—тѣмъ самымъ, которые плечомъ къ плечу съ ними шли до того на баррикады... Однимъ изъ результатовъ этого общенія съ рабочими было то, что въ январѣ 1831 года на товарищескомъ банкетѣ воспитанниковъ политехникума было рѣшено положить начало новому просвѣтительному обществу.—„Политехнической Асоціаціи". Въ составъ перваго комитета этого О-ва входилъ и Огюстъ Контъ. Сразу положено было начало 20 безплатнымъ курсамъ для рабочихъ. Инициаторы ставили себѣ цѣлью, какъ они тогда выражались, „пріобщить рабочихъ къ торжеству позитивной науки, къ оцѣнкѣ роста производительныхъ силъ, ознакомить широкія массы съ плодами чековѣческой свободной мысли".

Отъ Политехнической Ассоціаціи, желавшей остаться на почвѣ нейтралитета науки и преимущественно въ кругу такъ наз. положительныхъ знаній, вскорѣ отдѣлилась группа, которая пожелала выдвинуть на первый планъ воспитаніе человѣка—*гражданина*, научить народъ его правамъ при новой конституціи. Главнымъ дѣятелемъ образовавшейся съ этой цѣлью „Ассоціаціи для всеобщаго образованія народа" былъ сенъ-симонистъ Лешевалье; участвовали въ ней также: Распайль, Луи Бланъ, Шарль Тэстъ, Буанароттъ и др. Наряду съ устройствомъ курсовъ, вскорѣ открытыхъ Ассоціаціею въ 40 пунктахъ, имѣлось въ виду: оказаніе матеріальной помощи семьямъ рабочихъ, съ тѣмъ чтобъ помощь производилась по соглашенію съ самими нуждающимися. Этотъ видъ помощи,—надѣялись учредители (въ томъ числѣ Луи Бланъ, Распайль) „установить братскую связь между бѣдными и богатами". Ассоціація быстро пріобрѣла популярность, была весьма дѣятельною,—но въ 1832 году она была закрыта правительствомъ. Вмѣсто нея возникаетъ „Свободная Ассоціація для воспитаніи народа", но и она въ 1833 г. была запрещена. Что касается Политехнической Ассоціаціи, то курсы ея носили слишкомъ научный характеръ, на устраиваемыхъ ею лекціяхъ появлялись слушатели болѣе подготовленные, и сама Ассоціація тѣмъ самымъ удалялась отъ рабочихъ классовъ

населенія, которые она первоначально имѣла въ виду обслуживать.

Въ 1848 году отъ „Политехнической Ассоціаціи" откололась поэтому одна часть членовъ, сформировавшая „Филотехническую Ассоціацію". Нѣсколько профессоровъ, съ Ліоннэ во главѣ, нашли что будетъ „болѣе полезнымъ для братьевъ рабочихъ, если образовательное общество спустится съ недосягаемыхъ для народа высотъ научныхъ знаній и заговоритъ болѣе понятнымъ языкомъ." Филотехническая Ассоціація стояла также за болѣе демократическій характеръ организаціи. Но по понятіямъ того времени такіе взгляды вполнѣ мирились съ тѣмъ, что комитетъ ассоціаціи былъ составленъ исключительро изъ профессоровъ и патроновъ—покровителей, вносившихъ не менѣе чѣмъ по 100 франковъ въ годъ каждый.

Возникновеніе всѣхъ этихъ французскихъ обществъ, носитъ отпечатокъ своей эпохи,—эпохи слабаго развитія народнаго самосознанія. Всѣ они „строились сверху", благодаря, правда, великодушнымъ порывамъ, въ силу пониманія общественнаго долга, „во имя справедливости, во имя любви къ слабому",—но не на крѣпкомъ фундаментѣ опредѣленно выраженныхъ желаній самого опекаемаго.

На сравнительно болѣе демократическихъ основахъ,—и уже въ связи съ заявленіями, шедш ими врямо изъ народной среды,—организуется въ 60-хъ годахъ знаменитая „Лига Образованія", съ Жакомъ Массэ во главѣ. Сынъ крестьянина-перевозчика, провинціальный учитель, извѣстный въ своемъ округѣ какъ иниціаторъ мѣстнаго „О-ва для устройства библіотекъ", Жакъ Массэ задался цѣлью положить начало центральной лигѣ для распространенія образованія въ

народѣ. Отчасти на эту мысль навели его происходившія въ 1866 году въ Бельгіи подготовительныя работы по составленію устава для „Лиги Образованія" въ Брюсселѣ. Но Жакъ Массэ съ особою щепетильностью отнесся къ вопросу о предварительной выработкѣ устава. Онъ говорилъ, что предпочитаетъ лично „ходить изъ деревни въ деревню безъ устава въ карманѣ и предлагать гражданамъ присоединиться къ чистой и простой идеѣ и образовывать мѣстныя группы, которыя впослѣдствіи, чрезъ своихъ делегатовъ, создали бы себѣ сами конституцію." Широко откликнулись сѣрые, рядовые люди изъ разныхъ мѣстъ глухой французской провинціи на призывъ Массэ. Быстро разрослись ряды будущихъ членовъ, и въ концѣ 1867 года состоялось первое общее собраніе „Лиги". Лига развила большую агитацію, живую работу и вызвала враждебное къ себѣ отношеніе со стороны католическаго духовенства, въ частности со стороны папы Пія IX. Послѣ понесеннаго Франціей въ 1870 году военнаго пораженія, стоявшаго въ тѣсной связи съ неудовлетворительной постановкой образованія въ странѣ, Массэ былъ вправѣ ссылаться на то, что его агитація за всеобщее образованіе имѣла свой глубокій смыслъ, и событія 1871 года еще въ большей мѣрѣ подтвердили правильность его позиціи. Лигѣ Массэ принадлежитъ также честь осуществленія въ 1872 году извѣстной манифестаціи за «обязательное, безплатное и свѣтское обученіе». Отъ имени Лиги былъ тогда произведенъ плебисцитъ среди 847 тысячъ гражданъ и торжественно на особой телѣгѣ отвезены были громоздкіе тюки съ документами по этому плебисциту въ Версаль. Изслѣдователи новѣйшаго періода французской исторіи, останавливаясь на роли «Лиги Образованія», учрежденной Массэ, признаютъ «что наряду

съ другими подобными институтами гражданской само дѣятельности, Лига была дѣйственной соціальной силой, которая оставила замѣтный слѣдъ въ жизни страны. Въ 1907—1908 гг. «Лига образованія» насчитывала 54.000 вечернихъ курсовъ, подъ руководствомъ Лиги ежегодно прочитывалось до 100.000 лекцій. Годовой оборотъ Лиги достигалъ 4 милліоновъ франковъ. Остальныя центральныя просвѣтительныя общества Франціи расходуютъ въ годъ около 1 милліона фр.

Въ *Англіи* наиболѣе интереснымъ проявленіемъ частной иниціативы въ дѣлѣ внѣшкольнаго образованія безусловно является движеніе въ пользу распространенія среди населенія высшихъ, университетскихъ знаній (University Extention). Со второй половины 19-го вѣка въ различныхъ мѣстностяхъ Великобританіи стало все чаще проявляться въ широкихъ кругахъ сознаніе, что въ то самое время, когда рабочій классъ играетъ столь огромную роль въ промышленной и гражданской жизни,—онъ остается чуждымъ наукѣ, которая преподается въ англійскихъ университетахъ. И вотъ у одного молодого Кембриджскаго профессора, близко интересовавшагося развитіемъ высшихъ знаній въ рабочей средѣ, Джемса Стюарта, явилась мысль, что нужно использовать академическія силы университета, для того чтобы внести свѣтъ знанія и науки непосредственно въ рабочую среду. Мысль казалась тогда многимъ еретической. Педагоги старой школы находили совершенно несообразнымъ планъ, построенный на томъ, чтобы профессора, призванные обучать избранныхъ юношей, систематически подготовленныхъ къ воспріятію университетскихъ лекцій, спускались въ аудиторіи, заполненныя простыми рабочими. Возраженія не смутили однако піонеровъ.

Представители рабочаго класса охотно пошли на встрѣчу иниціативѣ, шедшей изъ академическихъ круговъ. По всей Англіи пошелъ кличъ: о необходимости распространенія университетскаго знанія среди всѣхъ желающихъ и рабочихъ въ первую очередь. Любопытны отзывы профессоровъ того времени о *новой* категоріи слушателей. Несмотря на то, что слушатели изъ рабочей среды были значительно менѣе подготовлены къ правильнымъ университетскимъ занятіямъ, они—по общимъ отзывамъ экзаменаторовъ и въ Кембриджѣ и Оксфордѣ,—вполнѣ хорошо выдерживали экзамены. Потому ли, что большинство слушателей народныхъ университетовъ является уже людьми съ житейскимъ опытомъ, людьми болѣе созрѣвшими; потому ли, что эти слушатели изъ рабочей среды проявляютъ больше энергіи, настойчивости въ занятіяхъ или интереса къ знанію,—но фактъ тотъ, что успѣхи ихъ оказались сравнительно выше, чѣмъ у обычныхъ студентовъ, прошедшихъ среднюю школу. Другіе англійскіе профессора констатируютъ, что рабочія аудиторіи, въ которыя они приходили съ самыми серьезными лекціями—по астрономіи, по естествознанію, по философіи,—оказывались зачастую гораздо внимательнѣе, чѣмъ аудиторія студентовъ изъ богатѣйшихъ фамилій англійской аристократіи. Былъ въ частности такой случай. Когда около Ньюкестля былъ устроенъ рядъ лекцій для рабочихъ, по преимуществу для углекоповъ и чернарабочихъ, и одновременно былъ открытъ доступъ для лицъ другихъ классовъ, то первой награды удостоенъ былъ обыкновенный горнорабочій, и лишь вторую награду получила дочь мѣстнаго фабриканта, также представившая работу на заданную тему. Этотъ примѣръ, который англичане любятъ цитировать, подтверждаетъ лишній

разъ, какъ неосновательны были толки о невоспріимчивости и неподготовленности рабочаго класса для научныхъ лекцій, и на какую благодарную почву падали новыя сѣмена, приносимыя въ рабочую среду представителями университетскихъ кафедръ. И недаромъ лидеры англійскаго рабочаго движенія признаютъ, что для поднятія умственнаго кругозора рабочихъ массъ проведеніе такихъ лекцій являлось въ высшей степени благотворнымъ и уже дало свои плоды.—Движеніе въ пользу распространенія въ народѣ научныхъ знаній завершилось въ Англіи учрежденіемъ центральнаго общества University Exention Society, которая съ 1884 года помѣстилась въ зданіи Тойнби—Голлъ.

Усиліями отдѣльныхъ просвѣтителей создался рядъ „Обществъ народнаго образованія" и въ цѣломъ рядѣ другихъ странъ. Особенно блещетъ грандіозностью своихъ благотворительныхъ фондовъ, богатствомъ и роскошью своихъ образовательныхъ учрежденій для народа, сооруженныхъ на средства отдѣльныхъ богатыхъ людей, *Сѣв. Америка* съ ея институтами Купера въ Нью Іоркѣ, Пратта въ Бруклинѣ. Армурса въ Чикого и др. Характерно для американскаго строя, что меценаты—основатели наиболѣе крупныхъ „народныхъ домовъ" и „народныхъ дворцевъ" въ Соед. Штатахъ—сами вышли изъ низовъ рабочей демократіи. Питеръ Куперъ былъ въ молодости подмастерьемъ каретникомъ, Чарлозъ Праттъ—простымъ машанистомъ.

Въ *Германіи* учрежденіе частныхъ обществъ содѣйствія образованію началось въ эпоху 40-хъ годовъ. Въ 1871 году была установлена связь между нѣмецкими союзами и дѣятелями просвѣщенія,—связь, охватившая всю Германію въ лицѣ «Общества распространенія народнаго образованія». Оно объединило всѣ

прежде существовавшія общества и послужило поводомъ для созданія новыхъ. Въ 1910 году въ составъ этого союза входили 7520 ферейновъ, въ качествѣ коллективныхъ участниковъ, и 5620 членовъ—отдѣльныхъ лицъ. Пятая часть этихъ обществъ—библіотечные ферейны; имѣются далѣе учительскія общества, сравнительно меньше профессіональныхъ, рабочихъ. Годовой бюджетъ союза достигаетъ $^1/_4$ милл. рублей; въ распоряженіи союза находится нѣсколько развозимыхъ по сельскимъ мѣстностямъ библіотекъ, нѣсколько странствующихъ театральныхъ труппъ, (давшихъ въ 1911—1912 году свыше 450 спектаклей), а также передвижные кинематографы. Союзъ издаетъ свой журналъ «Volksbildung» и въ милліонахъ томовъ разсылаетъ книги въ деревенскія читальни.

Въ послѣднее время образцовыя во многихъ отношеніяхъ просвѣтительныя предпріятія осуществлены частными обществами въ *Австріи*. Особенно заслуживаютъ вниманія организованные въ Вѣнѣ по частно-общественной иниціативѣ народно-университетскіе курсы, народный домъ и народный просвѣтительный союзъ. На университетскихъ курсахъ сказывалось въ первое время вліяніе англійскихъ примѣровъ; затѣмъ они пошли своимъ путемъ. Здѣсь, какъ и тамъ, также констатируются особые успѣхи слушателей—рабочихъ, не взирая на сравнительную краткость курсовъ. Д-ръ Мейссельсъ, преподававшій на Вѣнскихъ курсахъ гражданское право, отмѣчаетъ какъ общее наблюденіе, что отвѣты слушателей этихъ курсовъ—слушателей изъ народа—въ среднемъ были лучше отвѣтовъ университетскихъ слушателей на государственныхъ экзаменахъ.

Говоря о намѣреніяхъ и настроеніяхъ организаторовъ частныхъ просвѣтительныхъ обществъ въ

Австріи, одинъ изъ главныхъ дѣятелей вѣнскаго народнаго дома, проф. Беккэ отмѣчаетъ, что ихъ основное желаніе сводится къ тому, „чтобы драгоцѣннѣйшее благо,—знаніе, образованіе, близкое знакомство съ произведеніями литературы и искусства, уразумѣніе важнѣйшихъ проблемъ, движущихъ человѣчество,—не являлось бы привиллегіей матеріально обезпеченнаго меньшинства“. „Мы хотимъ—продолжаетъ онъ:—чтобы лучи истиннаго знанія, образованія во всей его широтѣ и глубинѣ простирались на всѣхъ. Мы убѣжденные противники защитниковъ тезиса „знаніе для избранныхъ“.

Но не взирая на такого рода взгляды,—которымъ никто не откажетъ въ широтѣ и гуманности,—частныя просвѣтительныя общества оставались «продуктомъ иниціативы, исходящей отъ друзей народа», а *не отъ него самого*.

При всей самоотверженности отдѣльныхъ иниціаторовъ этихъ обществъ и фондовъ, при лучшихъ побужденіяхъ, какими руководились въ цѣломъ всѣ частныя общества,—въ повседневной работѣ *ихъ* курсовъ, *ихъ* клубовъ и лекцій чувствовалось какое-то покровительство свыше, снисхожденіе къ малымъ симъ, опека *со стороны*. И помимо желанія главныхъ дѣятелей каждаго общества,—отпечатокъ благотворительности ложился на все, за что брались эти общества. Сами обслуживаемые, сами рабочіе, крестьяне, приказщики и т. д. представляли собою въ каждомъ учрежденіи только предметъ благодѣянія, *объектъ* культурнаго воздѣйствія, не принимая лично никакого участія въ устройствѣ дѣла и его направленіи. Такая постановка не могла удовлетворить здороваго сознанія трудовыхъ демократическихъ массъ Запада. Однихъ слушателей курсовъ или посѣтителей народныхъ домовъ стѣсняли порядки, которые предписывались извнѣ помимо ихъ согласія, помимо вліянія ихъ представителей. Другихъ заставляла задуматься та особенность въ большинствѣ этихъ предпріятій, что и на курсахъ, и на лекціяхъ слишкомъ мало удѣлялось мѣста и вниманія общественнымъ наукамъ: политическимъ знаніямъ, основамъ гражданственности, нуждахъ и запросамъ кооперативнаго или профессіональнаго движенія. Наконецъ замѣчалось, что въ прекрасныхъ, просторныхъ хоромахъ щедрыхъ благотворителей многіе члены рабочихъ организацій чувствовали себя не всегда уютно, не какъ *въ своемъ* близкомъ имъ по духу учрежденіи, а стѣснялись какъ въ чужомъ мѣстѣ...

Однимъ словомъ, было *много культуры*, но не было самодѣятельности, *не было полной свободы*.

Естественно, что съ теченіемъ времени частныя просвѣтительныя о-ва начинаютъ терять прежнее значеніе. Именно въ виду благотворительнаго начала, идущаго въ разрѣзъ со все возрастающимъ самосознаніемъ и самодѣятельностью среди рабочихъ круговъ, замѣчается отливъ посѣтителей, слушателей и читателей отъ этихъ учрежденій. Такъ, во Франціи число слушателей вечернихъ курсовъ, возникшихъ по иниціативѣ частныхъ просвѣтительныхъ обществъ, уже съ 1902 года совершенно не возрастаетъ: въ однихъ случаяхъ оно замѣтно падаетъ, въ другихъ остается почти на томъ же уровнѣ. По наблюденіямъ русскаго эмигранта О. Карскаго, близко изучившаго въ 1908 году постановку народнаго образованія во Франціи, работа просвѣтительныхъ обществъ прежняго типа уже не могла отвѣчать желаніямъ всѣхъ слоевъ населенія. Она не могла вызвать того общественнаго подъема, который проявился въ годы борьбы за народ-

ное образованіе, «когда интересы буржуазіи сливались съ интересами общенаціональными». Рабочій классъ сталъ относиться съ недовѣріемъ ко всѣмъ проявленіямъ ея дѣятельности и предпочиталъ свои сравнительно бѣдныя организаціи—народные университеты, курсы, устроенныя рабочими синдикатами и т. п., богато оборудованнымъ школамъ просвѣтительныхъ обществъ.

Самодѣятельность рабочихъ организацій въ дѣлѣ образованія стала проявляться съ средины 19-го вѣка. Первый образовательный союзъ рабочихъ въ Гамбургѣ было основанъ въ 1845 г. Въ Англіи рабочія организаціи уже съ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія принимаютъ близкое участіе, особенно на сѣверѣ, въ дѣлѣ устройства курсовъ.

Но замѣтною и значительною работа въ этомъ направленіи становится съ нарожденіемъ и развитіемъ соціалистическихъ партій. Съ конца 19-го вѣка и въ первые годы 20-го столѣтія вездѣ, гдѣ соціалистическое движеніе пускало корни,—не только въ Германіи Австріи, Франціи, но и Швеціи, Бельгіи, Голландіи и др.,—со стороны лидеровъ соціалистическихъ партіи шелъ лозунгъ, что *рабочіе должны удѣлять побольше вниманія поднятію культурнаго уровня своихъ собратьевъ*. Принимались рѣшенія, что и въ партійныхъ ячейкахъ, и въ профессіональныхъ союзахъ, и въ кооперативахъ они должны двинуть дѣло своего самообразованія, просвѣтленія своего общественнаго сознанія.

За послѣднія десятилѣтія, въ *Германіи*, по почину соціалъ-демократической партіи, непрерывно образовывались просвѣтительные рабочіе ферейны, дискуссіонные клубы и т. д., объединившіеся въ 1905 г. въ Союзъ соціалистическихъ клубовъ для чтенія дискуссій. На съѣздѣ партіи соціалъ-демократовъ въ

Мангеймѣ, по докладу Генриха Шульца и Клары Цеткинъ, постановлено было удѣлить больше силъ и энергіи на культурно-просвѣтительную работу партіи: рѣшено учредить въ Берлинѣ партійную школу соціально-политическихъ наукъ съ $1/2$ годовымъ курсомъ и образовать центральный просвѣтительный комитетъ партіи.

Въ 1913 г. въ Германіи дѣйствовало 364 возникшихъ при содѣйствіи партіи просвѣтительныхъ комитетовъ, которые организовали втеченіе 1913 года въ 188 пунктахъ 599 докладовъ съ 118000 посѣтителей. Наряду съ этимъ, Германскіе профессіональные союзы затратили въ 1912 году свыше 3 милл. марокъ на культурно-просвѣтительную работу.—Все это движеніе имѣло свою идеологію. Опредѣленно ставилась та задача, что въ чтеніи, курсахъ и лекціяхъ классовой рабочій „ищетъ не только того, что помогаетъ ему отвлечься отъ невеселаго настоящаго и *забыть* его; онъ жадно стремится также понять это настоящее, чтобы его преобразовать“.

Подъ вліяніемъ профессіональныхъ союзовъ и партійныхъ работниковъ широко развилось въ Германіи,—несмотря на всѣ преслѣдованія и полицейскія препятствія,—*юношеское движеніе*, объединяющее въ дѣлѣ самообразованія свыше 600 организацій молодыхъ рабочихъ. По даннымъ за 1913 годъ, въ вѣдѣніи этихъ организацій было 200 юношескихъ домовъ и 170 юношескихъ библіотекъ. Однихъ лишь лекцій и рефератовъ устроено было за годъ 3209, литературно-музыкальныхъ вечеровъ 2405, образовательныхъ экскурсій и прогулокъ 4300. Общее число участниковъ юношескихъ просвѣтительныхъ организацій доходило до 300000.

Юношеское движеніе среди рабочихъ получило еще болѣе широкое развитіе за океаномъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки свыше 2 милліоновъ мальчиковъ состоятъ членами клубовъ для подростковъ мужского пола, и почти такое же число дѣвушекъ зарегистровано въ женскихъ клубахъ. Въ одномъ Нью-Іоркѣ мальчиковъ изъ рабочаго класса, участвующихъ въ просвѣтительныхъ клубахъ, насчитывается до 300.000.

Въ Копенгагенѣ на собственныя средства рабочихъ организацій возникъ „Союзъ по устройству чтеній", устраивающій лекціи и образовательныя экскурсіи. Союзъ имѣетъ большую библіотеку, разсылаетъ лекторовъ въ города и мѣстечки страны.

Интереснымъ опытомъ примѣненія иниціативы самихъ рабочихъ организацій въ области внѣшкольнаго образованія является учрежденіе *во Франціи* сѣти народныхъ университетовъ. Первый изъ нихъ былъ открытъ, подъ названіемъ „Кооперація идей", кружкомъ рабочихъ печатнаго дѣла съ Дегермомъ во главѣ, въ С.-Антуанскомъ предмѣстіи. Каждою изъ этихъ организацій руководитъ комитетъ, избранный изъ среды активныхъ членовъ, уплачивающихъ извѣстный минимальный взносъ (6 франковъ): $^2/_3$ С. Антуанскаго комитета составляютъ рабочіе. Въ 1904 году всѣ эти народные университеты объединились въ Національную Федеренцію Народныхъ Университетовъ.

Не останавливаясь на дальнѣйшемъ перечнѣ учрежденій, отмѣтимъ еще, что по иниціативѣ соціалъ-демократической партіи было основано въ Австріи особое общество „Будущее" для снабженія рабочихъ референтами и лекторами, а также открыта въ 1905 г. рабочая школа для подготовки дѣятелей рабочаго движенія (на 200 чел.). Въ 1909 году общество обслужи-

вало 21 просвѣтительный союзъ, его составлявшихъ, и 344 примыкавшихъ къ нему ферейна съ 87743 членами. Впослѣдствіи произошло соединеніе въ одинъ „Просвѣтительный комитетъ рабочихъ организацій", въ составѣ представителей отъ просвѣтительныхъ союзовъ, партійной организаціи, центральнаго бюро профессіональныхъ союзовъ, при чемъ комитетъ кооптируетъ въ свой составъ лекторовъ и преподавателей. Съ 1909 г. просвѣтительный комитетъ обзаводится органомъ „Bildungsarbeit", а съ 1910 г, къ нему переходитъ рабочая школа. При содѣйствіи комитета устраивалось до 1200 рефератовъ съ 60000 посѣтителями, при чемъ болѣе половины докладовъ (53%) приходится на историческія и политическія темы.

Существенная разница между культурно-просвѣтительными организаціями въ Австріи, съ одной стороны, и Германіи, съ другой, заключается въ томъ, что *австрійскіе* профессіональные союзы и соціалистическія организаціи не опасались брать у окружающихъ элементовъ все, что стало достояніемъ общей для всѣхъ культуры: всѣ пособія, всѣ научныя и педагогическія силы, которыя могли бы пополнить то, чего имъ не хватаетъ въ своихъ учрежденіяхъ. Такого счастливаго сочетанія однако нѣтъ въ Берлинѣ, нѣтъ вообщее въ *Германіи*, гдѣ,—какъ видно изъ матеріаловъ эпохи, непосредственно предшествовавшей войнѣ,—лежала какая то непроходимая пропасть между культурной частью Общества и трудовой демократіей, между академической коллегіей профессоровъ и рабочими организаціями.

Этотъ недостатокъ чувствуется и въ другихъ странахъ. Даже въ *Англіи*, гдѣ пропасть между интеллигенціей и рабочими никогда не была ощутительной, уже замѣчается, что нѣкоторыя учрежденія чахнутъ,

вслѣдствіе недостатка академической атмосферы, недостатка въ научныхъ силахъ, отъ которыхъ иниціаторы учрежденій, по политическимъ соображеніямъ, сочли нужнымъ себя отгородить.

Въ Германіи описываемая рознь сказалась, между прочимъ, въ крайней трудности для профессіональныхъ союзовъ широко поставить такое дѣло, какъ снабженіе своихъ членовъ книгами для чтенія. На практикѣ выяснилось довольно своеобразное, даже неожиданное для многихъ явленіе: въ большинствѣ союзовъ плохо читаются книги. Опытъ показалъ, что книги, исходящія изъ библіотекъ профессіональныхъ союзовъ, меньше заинтересовываютъ читателей, чѣмъ книги, исходящія изъ большого просвѣтительнаго центральнаго общества. Объясняется такое различіе весьма просто. Чѣмъ больше основныхъ средствъ у каждой библіотеки, и чѣмъ больше умѣнія вкладывается въ веденіе библіотечнаго дѣла, тѣмъ каждая библіотека разнообразнѣе и интереснѣе, тѣмъ чаще и охотнѣе читаются хорошія книги, входящія въ ея составъ. И если у сравнительно болѣе стараго нѣмецкаго профессіональнаго союза металлистовъ, имѣвшаго въ 1909 году 10 тысячъ томовъ, книга оборачивалась шесть разъ, то въ союзѣ печатниковъ, менѣе богатомъ средствами и опытомъ, книга оборачивалась только четыре раза, а въ остальныхъ болѣе мелкихъ—менѣе одного раза. Замѣчено, что члены професcіональныхъ союзовъ, вообще, сравнительно рѣдко, только въ 10% случаевъ, пользовались союзными библіотеками, а предпочитали обращаться къ общегородскимъ книгохранилищамъ, или къ библіотекамъ частныхъ просвѣтительныхъ обществъ. Тѣмъ болѣе, что послѣднія снабжены, помимо книжнаго матеріала, и

болѣе свѣдущими руководителями, умѣющими подойти къ запросамъ читателя.

Другимъ яркимъ примѣромъ могутъ служить упомянутые ранѣе народные университеты во Франціи. Послѣ подробнаго изученія этихъ университетовъ, существующхъ нынѣ исключительно въ вѣдѣніи самихъ рабочихъ организацій, два русскихъ обслѣдователя—Г. Ульяновъ и Е. Фортунатова—приходятъ къ весьма грустнымъ выводамъ относительно правильности постановки дѣла въ нихъ и достигаемыхъ результатовъ. Они отмѣчаютъ черезчуръ „большое разнообразіе, безсистемность лекцій и не глубокій характеръ ихъ." Во всемъ дѣлѣ,—по ихъ словамъ,—безсистемность „поддерживается *недостаткомъ интеллигентныхъ силъ*, отдающихъ свой трудъ университету", вслѣдствіе чего число слушателей на лекціяхъ не велико.

Не могутъ, повидимому, изолированно существовать и *политическіе курсы* или рабочія школы, спеціально устраиваемые для преподаванія общественныхъ и экономическихъ наукъ въ цѣляхъ подготовки активныхъ работниковъ профессіональнаго движенія или политическихъ организаторовъ и пропагандистовъ. Показательнымъ въ этомъ отношеніи является опытъ съ Лондонскимъ „центральнымъ рабочимъ колледжемъ", возникшимъ при содѣйствіи союза желѣзнодорожниковъ и южно-уэльскихъ углекоповъ. Въ отличіе отъ оксфордской школы Рескина, гдѣ значительную роль играетъ университетская профессура, Лондонскій колледжъ имѣлъ въ виду обойтись безъ академическихъ силъ и ограничиться болѣе узкимъ кругомъ преподавателей и болѣе тѣсными рамками. При такой постановкѣ колледжъ не имѣлъ однако успѣха, и по послѣднимъ извѣстіямъ, относящимся

къ срединѣ 1914 года, учрежденіе явно пришло въ упадокъ.

Болѣе вдумчивыхъ наблюдателей изъ соціалистической среды не могло также удовлетворить *качество работы* въ нѣмецкихъ рабочихъ клубахъ иферейнахъ. Часто слышались жалобы на недостатокъ въ солидномъ матеріалѣ, лекторскихъ силахъ и т. п. Стали неизбѣжными соглашенія по цѣлому ряду отраслей съ общепросвѣтительными учрежденіями относительно пользованія тѣми или иными научными пособіями, лекціями, помѣщеніями. Читальни рабочихъ организацій оказались слишкомъ скудными, объясненія на экскурсіяхъ и развлеченіяхъ слабѣе обставленными...

Однимъ словомъ, для членовъ рабочихъ организацій оказалось въ ихъ учрежденіяхъ сравнительно *больше свободы*, но меньше содержанія, *меньше культуры*.

Опытъ показалъ, что требованія, предъявляемыя большинствомъ сознательныхъ рабочихъ къ образовательнымъ учрежденіямъ, и въ частности къ народно-университетскимъ курсамъ, весьма серьезны. Напримѣръ, вѣнскіе рабочіе,—по результатамъ анкеты, произведенной особымъ кружкомъ мѣстныхъ студентовъ-соціалистовъ,—заявляли, что они смотрятъ на дѣло такъ: эти знанія должны не только дать имъ возможность отвлекаться отъ тягостной, будничной работы,—о чемъ тогда столько толковала либеральная пресса, сводившая все значеніе народнаго университета къ тому, что будто бы это есть только отдыхъ для рабочихъ. Лекціи—говорили они—должны дать имъ знаніе о томъ, что вокругъ нихъ дѣлается. Рабочіе хотѣли бы путемъ изученія законовъ общественной жизни и естественныхъ наукъ, узнать: къ чему они идутъ, и что они могутъ въ жизни преобразовать.—Своеобразную точку зрѣнія на задачи курсовъ

высказали члены профессіональнаго союза по мѣди. „Мы защищаемъ послѣшкольные курсы для рабочихъ—говорятъ они на столбцахъ своего союзнаго органа: - не потому, что хотимъ увеличить прибыль нашихъ работодателей, а потому что *хотимъ расширить свой кругозоръ; мы не хотимъ тупо и безучастно работать, выполняя свой урокъ...* Благодаря образованію мы, такъ сказать, *духовно переживаемъ процессъ производства, пріобрѣтаемъ большій интересъ къ работѣ и перестаемъ быть вьючными животными, вполнѣ зависимыми отъ распоряженій мастеровъ*“. Намъ нужно понять—указывали студентамъ вѣнскіе рабочіе:—какая цѣль впереди процесса даннаго производства, и какую роль играетъ данное производство въ производственномъ механизмѣ всей страны.

Эти цитаты свидѣтельствуютъ не только о вдумчивости, съ какою отнеслась рабочая демократія къ научному преподаванію, исходившему изъ университетскихъ стѣнъ. Онѣ краснорѣчиво говорятъ и о томъ, какъ охотно демократія шла на встрѣчу тому, чтобы культура могла проявиться и быть воспринятой *во всей полнотѣ, изъ непосредственнаго источника*. Въ связи съ такими взглядами, въ умахъ западнаго рабочаго класса наростало убѣжденіе:—если въ *своихъ* организаціяхъ рабочее населеніе имѣетъ больше свободы дѣйствій и болѣе свободно въ смыслѣ веденія дѣла на свой ладъ и вкусъ, вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что однѣ его организаціи, только своими силами, не въ состояніи обезпечить во всемъ объемѣ ни высокое качество преподаванія, ни соотвѣтственную постановку своихъ начинаній.

При спорахъ на эту тему между двумя теченіями французской соціалистической мысли, Жюль Гэдъ и его друзья считали нужнымъ противодѣйствовать втор-

женію буржуазной науки въ народные университеты и взывали къ партійному усердію, партійной опекѣ. На другой точкѣ зрѣнія стоялъ Жоресъ, находившій, что въ наукѣ, въ силу самой ея сущности, заложенъ факторъ эмансипаціи и равенства. Онъ полагалъ, что „сама наука, раскрывающая предъ пролетаріемъ недостатки вселенной и безпрерывное измѣненіе соціальныхъ формъ, наталкиваетъ на соціалистическіе выводы и заключенія".

И дальнѣйшій ходъ разсужденій не могъ не привести къ вполнѣ естественному выводу: что *нѣтъ вовсе надобности въ такой изоляціи* пролетаріата отъ источниковъ болѣе высокой культуры. Наоборотъ, трудовые классы имѣютъ всѣ права на то, чтобы все, что есть въ странѣ образованнаго, научно подготовленнаго или талантливаго въ искуствѣ, было широко использовано на благо всѣхъ слоевъ народа, и трудовой демократіи въ частности. Всѣ эти силы не только не могутъ быть игнорируемы, но—не взирая на партійныя или классовыя различія—опредѣленно должны быть призваны къ тому, чтобы дѣлиться своимъ духовнымъ достояніемъ съ тѣмъ трудовымъ пролетаріатомъ, на которомъ держится и которымъ питается государство. Такой обмѣнъ услугъ диктуется элементарною справедливостью и намѣчается самою жизнью...

При такой точкѣ зрѣнія, дѣятелямъ народнаго образованія,—какъ партійнымъ, такъ и внѣпартійнымъ,—пришлось искать *новыхъ типовъ* просвѣтительныхъ организацій. Надо было избѣжать той односторонней окраски, которая одинаково даетъ себя знать и при веденіи дѣла подъ знакомъ благотворительности, и при просвѣтительныхъ начинаніяхъ на партійной или профессіональной почвѣ.

Голосъ жизни подсказалъ, прежде всего, необходимость *большаго взаимодѣйствія* между организаціями обоихъ типовъ, между тѣмъ и другимъ общественнымъ слоемъ.

Весьма благотворнымъ въ этомъ смыслѣ оказывалось всегда привлеченіе къ участію въ просвѣтительныхъ обществахъ представителей рабочихъ организацій и профессіональныхъ союзовъ. Результаты такого привлеченія сразу проявляются и на программѣ, и на общей постановкѣ дѣла. Вотъ, напримѣръ, въ Берлинѣ, гдѣ народный университетъ существовалъ при содѣйствіи частнаго общества внѣ связи съ профессіональными союзами, на лекціи являлось въ два раза меньше слушателей (по даннымъ 1903 года—8986 чел.), чѣмъ за тотъ же періодъ въ Вѣнѣ (17980 чел.), гдѣ къ дѣлу руководства курсами были привлечены представители профессіональныхъ организацій и делегаты отъ самихъ слушателей.

Въ то время какъ благотворительныя начинанія изъ страха предъ вторженіемъ политики, вездѣ избѣгали наукъ о государственной власти и соціальномъ строѣ, делегаты отъ рабочихъ выдвигали эти предметы въ болѣе раннюю очередь. Достаточно пробѣжать нѣсколько примѣрныхъ учебныхъ плановъ на курсахъ, вызванныхъ къ жизни или поддерживаемыхъ профессіональными союзами, чтобы убѣдиться, что для всѣхъ этихъ предметовъ, служащихъ развитію рабочаго сознанія, отведено подобающее имъ мѣсто.

Различіе сказывалось и на профессіональномъ составѣ слушателей: такъ, въ Вѣнѣ рабочіе среди слушателей народнаго университета составляли почти половину (44%), въ Берлинѣ же менѣе трети (30%).

Пользу взаимодѣйствія обѣихъ соціальныхъ группъ освѣщаютъ также, на опытѣ совмѣстной работы, люди

науки. Одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ народныхъ университетовъ въ Парижѣ за первый періодъ ихъ существованія, проф. Сеайль признаетъ, что „человѣкъ мысли нуждается не въ меньшей степени въ человѣкѣ труда“, „и не только для успѣха своихъ идей но и для воспитанія своего ума. Единственно путемъ частыхъ сношеній съ простыми людьми, которые трудятся въ потѣ лица своего, которые страдая, увеличиваютъ свой жизненный опытъ, болѣе цѣнный, чѣмъ опытъ лабораторіи и абстрактныя измышленія философа, единственно въ единеніи съ дѣйствіемъ мысль засвѣтитъ ярче и полнѣе“.

Однимъ изъ дѣйствительныхъ коррективовъ является, далѣе, *объединеніе*, въ предѣлахъ каждой категоріи, всѣхъ однородныхъ учрежденій, въ цѣляхъ болѣе стройнаго, согласованнаго направленія той или иной отрасли внѣшкольнаго образованія. Такъ, въ Германіи, когда стало развиваться дѣло самообразованія рабочаго юношества, рѣшено было объединить всѣ ферейны и кружки въ общій союзъ по самообразованію рабочаго юношества. То же произведено въ отношеніи библіотечныхъ ферейновъ, обществъ по устройству вечеровъ и экскурсій и др. „Каждая удачная мысль, возникшая въ союзѣ, каждое облегченіе въ организаціи дѣла—говорятъ сторонники такихъ объединеній—находитъ себѣ отзвукъ въ тысячахъ отдѣльныхъ общественныхъ ячеекъ. Каждое слово или шагъ союза при такомъ положеніи разростаются въ широкое дѣло“. По пути соединенія въ центральные союзы шли также просвѣтительныя организаціи въ Австріи, Швеціи, Америкѣ. Получалось въ концентрированномъ видѣ болѣе значительное количество тѣхъ силъ и средствъ, которыми могли обслуживаться рабоче-профессіональныя организаціи въ своей просвѣтительной работѣ. Это

единеніе уже само по себѣ не могло не улучшить дѣло: при болѣе обширномъ оборотѣ могли быть введены болѣе совершенные способы работы, общіе институты, общія пособія. Центральный германскій союзъ имѣлъ, напримѣръ, возможность завести для общаго пользованія мѣстныхъ ферейновъ подвижные кинематографы, подвижныя театральныя труппы. Союзъ тредъюноновъ въ Англіи пригласилъ общихъ лекторовъ, которые переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто. Вообще, на Западѣ именно въ цѣляхъ болѣе полнаго использованія культурныхъ силъ страны, стремятся къ образованію такихъ союзовъ, гдѣ рабочіе коллективы, кооперативныя товарищества, рабочіе клубы, просвѣтительныя общества, различныя другія народныя организаціи были бы составными единицами, центральнаго объединенія.

Такой характеръ объединеннаго союза гарантируетъ неприкосновенность и выдержанность демократическаго направленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, давая концентрацію силъ и средствъ, открываетъ возможность шире ставить все дѣло, не предъявляя отвода противъ привлеченія культурныхъ силъ со стороны, по мотивамъ партійнымъ или политическимъ. Въ большомъ, охватывающемъ различныя организаціи, центрѣ главенствующимъ становится только одинъ девизъ: обслужить *всѣ* входящіе въ Союзъ коллективы возможно *глубже и полнѣе!..* Устроители настоящаго собранія, организуя новое общество „Культура и Свобода“, пришли къ заключенію о необходимости стать именно на такую точку зрѣнія.

Для Общества важно, чтобы главными, основными его членами были бы именно отдѣльные кооперативы, профессіональные союзы, клубы, другія объединенія служащихъ, рабочихъ, всякія демократическія просвѣ-

тительныя организаціи. Важно, чтобы взносы этихъ коллективовъ легли въ основу того бюджета, на которомъ будетъ строиться будущая работа „Общества“. Но Общество не исключаетъ и участія тѣхъ, кто сочувствуетъ дѣлу народнаго просвѣщенія, въ томъ числѣ и образованію милліоновъ трудящихся, какъ задачѣ общественной. Поэтому уже теперь въ Организаціонномъ комитетѣ „Культура и Свобода“, и въ президіумѣ имѣются на лицо представители рабочаго движенія и профессіональныхъ организацій. По мѣрѣ того, какъ въ дальнѣйшемъ будетъ происходить контактъ, будетъ осуществляться сближеніе со всѣми профессіональными организаціями столицы и провинціи,— физіономія нашего новаго общества обозначится еще яснѣе и выпуклѣе. Возможность и цѣлесообразность такой тѣсной организаціи представляется, на основаніи Западнаго опыта, вполнѣ доказанною.

„Культура и Свобода“ ставитъ, прежде всего, своей задачей использовать широко тѣ связи, тѣ средства и силы, которыя имѣются въ рабочихъ организаціяхъ, съ которыми многіе учредители „Общества“ тѣснымъ образомъ связаны по своей предшествовавшей общественной и партійной работѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, „Культура и Свобода“ не только не будетъ отталкивать отъ себя всего, что есть знающаго и свѣдущаго въ Россіи,—но будетъ всемѣрно привлекать ихъ къ дѣлу. Такимъ образомъ, вновь возникающее „Общество“ будетъ въ состояніи сочетать въ одинаковой мѣрѣ: и широкое насажденіе *культуры* среди трудовыхъ народныхъ массъ, и полное огражденіе ихъ *свободы и самодѣятельности* въ этомъ дѣлѣ.

Тщательно изучая работу западно-европейской и американской демократіи, Общество „Культура и Свобода“ не преминетъ воспользоваться тѣми хорошими

образцами, которые дала ихъ долголѣтняя практика Въ области устройства рабочихъ курсовъ, въ организаціи лекцій, будетъ высоко поучительнымъ то разнообразіе строительства, то углубленіе въ постановкѣ занятій для закрѣпленія знаній среди слушателей, та система подготовки лекторовъ, которыми болѣе всего заявила себя *Англія*. Если *въ Германіи* и *Швеціи*, хорошо поставлены кружки самообразованія молодежи, если тамъ полнѣе всего проведена мысль, что съ юныхъ лѣтъ нужно развивать чувство гражданственности въ будущихъ рабочихъ, носителяхъ идей трудовой демократіи, то и эти примѣры сослужатъ службу нашему „Обществу“.

Если дѣло устройства народныхъ домовъ, народныхъ концертовъ и спектаклей повидимому обставлено лучше всего въ *Австріи*, то брать образцы придется изъ этой страны. Та же Австрія—кстати сказать—наиболѣе полно осуществила объединеніе всѣхъ демократическихъ, просвѣтительныхъ организацій и профессіональныхъ союзовъ въ одинъ центральный „Просвѣтительный Комитетъ рабочихъ организацій“.

Пригодятся и своеобразныя, съ большимъ размахомъ проведенныя Сѣверной Америкой начинанія въ области библіотечнаго дѣла, клубовъ для подростковъ, вечернихъ, профессіональныхъ и др. клубовъ.

Общество „Культура и Свобода“ не вправѣ будетъ игнорировать и отрицательныхъ результатовъ, выяснившихся на экспериментахъ нашихъ западныхъ сосѣдей. Но озираясь на опытъ другихъ странъ, необходимо себѣ заранѣе сказать, что наряду съ этимъ опытомъ, придется черпать указанія и въ совѣтахъ, заявленіяхъ, свѣдѣніяхъ, которыя будутъ вносить въ наше дѣло, тѣ, кто будетъ къ нему близко стоять. Т. е. съ одной стороны сами слушатели, читатели, посѣтители,

сами рабочіе, крестьяне, городская демократія, молодежь всѣхъ рѣшительно классовъ, а съ другой—всѣ, кто сочувствуетъ дѣлу культурнаго возрожденія нашей страны, кто въ состояніи ей помочь знаніями, средствами, своими культурными навыками, дарованіями, способностями и т. д. Всѣмъ найдется мѣста, всѣмъ найдется приложеніе для помощи и труда... Строя такъ наше „Общество“, мы лучше всего пойдемъ на встрѣчу той основной цѣли, которую мы себѣ съ самаго начала ставимъ. Въ настоящій трагическій моментъ когда болѣе всего нужно напряженіе пародной воли и и сознанія, всѣ силы должны быть направлены на одно: народу, всѣмъ его ячейкамъ и организаціямъ должны быть широко открыты всѣ пути самодѣятельности и самопомощи въ дѣлѣ *свободнаго* пріобрѣтенія нужныхъ ему знаній.

Все накопленное въ странѣ *культурное* достояніе необходимо извлечь отовсюду, гдѣ оно пропадаетъ втуне, и предоставить его въ распоряженіе тѣхъ, кому оно было недоступно...

Л. Брамсонъ.





VI.

Русское народничество и культурная работа.

Моя тема можетъ быть, наиболѣе сложна и наиболѣе трудно разрѣшима съ точки зрѣнія культуры и свободы. Я долженъ говорить, граждане, здѣсь передъ вами о русскомъ народничествѣ и его отношеніи къ свободѣ и культурѣ. Но съ народничествомъ вообще, а въ частности со старымъ русскимъ народничествомъ, связано представленіе, какъ о міросозерцаніи, какъ объ общественномъ настроеніи, до извѣстной степени **антикультурномъ**; народничество у насъ часто связывалось—я не говорю о томъ, основательно это или нѣтъ—и теперь часто связывается съ такъ называемымъ „опрощеніемъ“. Вы помните, граждане, что еще сто лѣтъ тому назадъ, когда въ Россіи разразилось первое широкое массовое, если не движеніе, то попытка организованнаго революціоннаго движенія, движенія декабристовъ, когда гвардейская молодежь, настроенная въ лѣвой своей части радикально и даже соціалистически, пыталась произвести переворотъ въ русской культурѣ и дать русскому народу свободу, то графъ Растопчинъ, бывшій градоначальникъ Москвы, острилъ въ Парижѣ, что во Франціи мужики „**пейзане**“ въ 1789 и 93 гг. подняли возстаніе. Зачѣмъ?— **Для того, чтобы стать дворянами.** У насъ дворяне, гвардейская молодежь также подняла бунтъ. Изъ-за чего? —**Для того, чтобы стать мужиками.** Вотъ разница, вотъ первая формулировка культульно-политической идеи народничества, какъ она

воспринималась его противниками: народъ не поднять до высотъ культуры, а высоты культуры низвести до народа, **опростить** эту культуру, сдѣлать ее понятной для некультурнаго человѣка. Но не значило ли это придти къ ея отрицанію? Какая же это культура, когда дворяне становятся мужиками? Вотъ настоящая культура, когда мужикъ становится дворяниномъ, т. е., когда онъ хочетъ взять въ свои руки всѣ пріобрѣтенія цивилизаціи,—культуру и свободу, —и съ этимъ мощнымъ оружіемъ, съ культурой духовной и матеріальной, имѣя ихъ въ рукахъ, онъ могъ бы завоевать міръ. Но что сдѣлаетъ тотъ же народъ, когда лучшіе его представители, гвардейская молодежь—гвардейская не въ смыслѣ касты, а **гвардіи революціи**—„опрощивается", когда эти представители топятъ высокіе идеалы соціализма въ глубинахъ культурной отсталости эмпирическаго мышленія массъ? Когда они топчутъ идеалы въ сутолокѣ повседневной дѣйствительности и пригнетаютъ ради минутнаго успѣха широкія цѣли движенія? Тогда это становится не залогомъ будущаго, не нашей властью надъ отдаленнымъ отъ насъ грядущимъ міромъ, **а реакціей**. Опрощеніе, отказъ отъ культуры, неумѣнье связать идею народа съ идеями цивилизаціи—есть реакція, есть гибель революціоннаго движенія, одичаніе народа, отказъ отъ культуры, соціализма Огромная наша трагедія, огромное наше несчастье заключалось именно въ томъ, что мы не могли примирить этихъ двухъ сторонъ, этихъ двухъ полюсовъ. Съ одной стороны, у насъ была **гвардія революціи**, у насъ были герои-мученики, люди, вырабатывающіе огромныя философскія, соціологическія научныя системы, оригинальныя концепціи. Мы обладаемъ чрезвычайно развитой интеллигенціей—это признаютъ даже европейскіе спеціалисты. Мы обладаемъ такими

теоретиками, какіе рѣдко встрѣчаются даже въ другихъ европейскихъ странахъ. Въ прошломъ у насъ были не только Бѣлинскій, Лавровъ, Чернышевскій. Я спрошу васъ: чье имя было популярно 15—20 лѣтъ тому назадъ въ Европѣ? Чье имя было авторитетнымъ даже среди европейскихъ соціалистовъ? Это было имя Плеханова. Я—народникъ, я никогда не былъ марксистомъ, но я скажу, что это имя было культурнымъ пріобрѣтеніемъ русскаго соціализма въ интернаціоналѣ... Наше несчастье, огромная наша трагедія заключаются въ томъ, что, съ одной стороны, мы имѣли эту интеллигенцію, которая несла съ собою культуру, свѣтъ знаній, свободу, а съ другой стороны, мы имѣли народъ, который, по своей культурѣ, **живетъ въ XV вѣкѣ**. Съ одной стороны мы имѣли городъ, городскую цивилизацію, а съ другой стороны мы имѣли сельское о-во, деревню. Мы имѣли культуру, еще не вышедшую изъ лѣсовъ, степей, болотъ, въ то время, когда на другомъ концѣ создалась гвардія революціи и соціализма; это были два полюса, и мы не могли ихъ примирить. Мы съ народомъ говорили на разныхъ языкахъ. Разрѣшите мнѣ разсказать вамъ одинъ эпизодъ изъ личной практики, на которомъ я хотѣлъ бы вамъ показать, какъ сталкивались эти двѣ культуры и, столкнувшись, создавали трагизмъ непониманія между людьми, родными по духу, по настроенію, по идеаламъ.

Я былъ еще молодымъ партійнымъ пропагандистомъ въ 1906 году, когда судьба забросила меня въ одинъ изъ лѣсистыхъ уѣздовъ Нижегородской губ.—въ Семеновскій уѣздъ, расположенный по рѣкѣ Керженцу. Когда то этотъ край описалъ Печерскій въ „Лѣсахъ"; великолѣпную поэтическую картину этихъ мѣстъ не такъ давно далъ Владиміръ Короленко. Тамъ, въ лѣ-

сахъ, „ели темныя, пни огромные“,—и такіе же темные тамъ люди. Я пришелъ туда съ Сормовскими рабочими, которые, надѣясь, что у меня есть нѣкоторый опытъ въ агитаціи, хотѣли привести меня въ простую отсталую русскую деревню и заставить ее выслушать проповѣдь соціалиста, воспитаннаго на вершинахъ культуры и цивилизаціи. Я пришелъ въ деревню. Крестьяне собрались на сходъ и, увидавъ чужого человѣка, враждебно настроенные, съ огонькомъ недовѣрія въ глазахъ, начали окружаться около меня. Для того, чтобы подойти къ нимъ, стать съ ними на одну почву, я рѣшилъ, что нужно взять что нибудь осязаемое, реальное, оставить высоты теоріи, пойти къ нимъ внизъ, въ гущу, спуститься на дно, найти общій языкъ. Въ этотъ моментъ я увидѣлъ, что въ избѣ, около которой я стоялъ, стоитъ самоваръ. Я имъ сказалъ: „Старики, вы пьете чай, вы сейчасъ чай пили, вы пили чай съ сахаромъ; а знаете ли вы, что каждый кусокъ сахара, который вы берете, каждая спичка, которою вы закуриваете трубку, обложена налогомъ? Въ тотъ моментъ, когда ты съѣлъ кусокъ сахара—ты уплатилъ налогъ. Ты за сколько покупалъ сахаръ“?.. Тогда не было еще соціалистическаго строя, при которомъ сахаръ стоитъ 20 руб. фунтъ,—тогда за сахаръ платили 16—18—20 коп... Но тогда и это казалось дорого. И не только казалось, а и было дорого, потому что была сахарная нормировка, которой искусственно возвышалась цѣна на сахаръ. Я говорилъ крестьянамъ: „Есть такая нормировка, которая возвышаетъ цѣны на сахаръ. Есть акцизъ, налоги. Если ты платишь 20 коп. за сахаръ, то этимъ же сахаромъ въ Англіи англійскіе капиталисты откармливаютъ своихъ свиней, и эти англійскія свиньи катаются, какъ сыръ въ маслѣ. Почему? Потому что ты не имѣешь сахара, потому что у тебя нормировка, у тебя тарифы, налоги, потому что **у тебя самодержавіе**. Ты въ царя вѣруешь, ты передъ батюшкой-царемъ преклоняешься, а царь защищаетъ порядки, при которыхъ англійская свинья на русскомъ сахарѣ живетъ, не такъ, какъ живешь ты, русскій крестьянинъ, а гораздо лучше“... Я видѣлъ, какъ лица ихъ потемнѣли, какъ всѣ они сомкнулись вокругъ меня и оцѣпенѣли отъ этой простой, элементарной истины, которую твердитъ намъ наша литература уже 40 лѣтъ, ибо вы не найдете ни одного курса по бюджету Россіи, ни одной статьи о старой росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ, гдѣ бы не фигурировала эта англійская свинья, откормленная русскимъ сахаромъ. Я нашелъ съ моими слушателями общій языкъ. Отъ этого куска сахара мы перешли уже на вершины культуры и цивилизаціи, на вершины соціализма и когда я уходилъ отъ нихъ, они мнѣ говорили: „Послушай! приходи опять приходи еще разъ“. Ледъ недовѣрія былъ разбитъ, и деревня, казалось, была завоевана однимъ ударомъ. Счастливый успѣхомъ, я пришелъ къ нимъ въ слѣдующее воскресенье, **но никто меня не сталъ слушать**. Ни одинъ изъ стариковъ на сходку не пришелъ; пришли молодые распропагандированные крестьяне и сказали мнѣ: „Товарищъ, зачѣмъ вы говорите вещи, которыхъ нѣтъ на самомъ дѣлѣ?“ Я, удивленный, возразилъ: „Товарищи, я такихъ вещей никогда не говорю“.—„Нѣтъ, говорите, вотъ прошлый разъ вы сказали, что англійскую свинью откармливаютъ русскимъ сахаромъ“.—„Ну да, сказалъ“! „Наши мужики послѣ митинга пошли на заднiй дворъ, **дали свиньямъ сахаръ**—и онѣ не ѣли.“ Это здѣсь, конечно, вамъ смѣшно, когда я это разсказываю, но мнѣ было тогда не до смѣха. Я понялъ въ тотъ моментъ, что все пропало: **я больше не пользовался довѣріемъ крестьянъ**. Отчего же

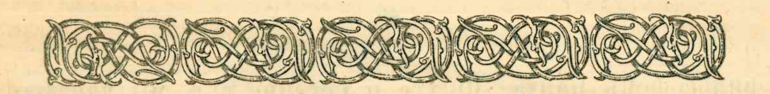
я потерялъ? Потому что мы съ этими крестьянами Семеновскаго уѣзда Нижегородской губ. говорили на разныхъ языкахъ, хотя объ одномъ и томъ же. Я не смогъ предусмотрѣть въ этой излучинѣ ихъ психологіи вѣковое недовѣріе къ интеллигенту, пришедшему извнѣ, съ высотъ вотъ этой самой теоріи. Я не учелъ этого эмпирическаго міропониманія, когда людямъ надо осознать реально, въ руки взять безплотную истину и, ощутивши ее въ рукахъ, тогда только согласиться, что это есть истина, что я говорю правду. Изъ этой деревни я ушелъ съ разбитыми надеждами, а не побѣдителемъ,—и больше въ нее не возвращался. Можетъ быть, если бы я вернулся, я бы ихъ переубѣдилъ. Возможно! Отъ этого, однако, урокъ, много полученный, не становился меньшимъ. Тутъ отражалось нѣчто очень типичное не для меня одного. Примѣръ съ сахарными нормировками я взялъ изъ статьи лучшаго знатока русскаго бюджета Н. Ф. Анненскаго, одного изъ крупнѣйшихъ русскихъ народниковъ. И когда я изъ Нижегородской губ. пріѣхалъ въ Петроградъ, я ему сказалъ: „Николай Федоровичъ, зачѣмъ вы говорите въ своихъ статьяхъ то, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ?“ Видя, какъ онъ удивился, я пояснилъ ему: „А вотъ: вы утверждаете, что англійская свинья ѣстъ русскій сахаръ“...—и разсказалъ ему сцену, которая только что мной передана вамъ. Ему было за 60 лѣтъ въ этотъ моментъ. И онъ говоритъ мнѣ: „Представьте, я себѣ не задавалъ до сихъ поръ вопроса: въ какомъ же видѣ кормятъ англійскихъ свиней русскимъ сахаромъ? Я пойду посмотрю въ англійской энциклопедіи“. Посмотрѣлъ въ англійской энциклопедіи и не нашелъ. Такъ что, если вамъ теперь, кому нибудь, тт., придется гдѣ нибудь, въ какой нибудь русской деревнѣ разсказывать этотъ инцидентъ объ англійской свиньѣ, то вы

имѣйте въ виду: васъ могутъ не понять. Вотъ бездна которая была между нами, вотъ то, что насъ разъединяло. Если гвардія революціи хотѣла стать мужиками, то для этого мало было опроститься, для этого надо было войти въ народную психологію, для этого надо было туда, въ низы внести культуру, внести свободу, внести хотя бы элементарныя знанія. Надо помнить, что никакого соціализма, никакого переустройства общественныхъ отношеній на пескѣ невѣжества строить нельзя. Почва должна быть удобрена, народу должны быть сообщены нѣкоторые начатки хотя бы нѣкоторой культуры. Изъ этого маленькаго инцидента, который я вамъ разсказалъ, вы можете поэтому сдѣлать серьезный выводъ: вѣдь то, что у насъ сейчасъ происходитъ—революція, міровая революція, соціальная, говорятъ даже—соціалистическая. Россія сдѣлала попытку произвести опытъ, безпримѣрный по размѣрамъ, огромной важности по своему содержанію; но этотъ опытъ—огромный и безпримѣрный—производился въ обстановкѣ среди народа, культурный уровень котораго не былъ учтенъ, а если и былъ учтенъ, то недостаточно вѣрно. Вы могли говорить съ народомъ о широкихъ перспективахъ, но васъ провѣряли тѣмъ, оправдывается ли въ этой грубой обстановкѣ ваша мысль, тѣмъ опытомъ, который по своему, самъ себѣ выработалъ народъ въ годы безправія, рабства, отсутствія самой элементарной культуры. Какъ мы можемъ выйти изъ того тупика, въ которомъ мы, благодаря этому, сейчасъ оказались? А вѣдь мы оказались не только въ тупикѣ: пока мы находились на высотахъ теоріи, у насъ въ тылу выросло національное порабощеніе. На нашихъ плечахъ—грузъ міровою угнетенія. Насъ давятъ, насъ будутъ давить прессомъ, какимъ не давили можетъ быть ни одну страну. Передъ нами стоитъ

опасность огромная: быть можетъ намъ предстоитъ уничтожиться, уйти съ пути исторіи, какъ націи, какъ государству, какъ народно-хозяйственному организму. Мы являемся сейчасъ въ Россіи, какъ вотъ тутъ передъ пропастью, стоитъ толкнуть насъ, Россію,—и она свалится туда, а за нею свалится и народъ, который былъ въ среднихъ вѣкахъ по своему міровоззрѣнію, и интеллигенція, которая перебросилась мечтами далеко впередъ, въ грядущіе вѣка. И вся эта громада, весь этотъ колоссъ государственный, вся національная культура,—ибо у насъ есть своя культура, культура глубокая, я скажу даже соціалистическая,—все это можетъ быть раздавлено подъ колесами какой нибудь Джагарнаутовой колесницы мірового имперіализма, который вмѣсто культуры несетъ порабощеніе и утверждаетъ его бронированнымъ кулакомъ. Вотъ огромная опасность, вотъ ужасъ, который стоитъ передъ нами. Что же мы можемъ сдѣлать? Можемъ ли мы эту страшную битву, этотъ страшный часъ, который передъ нами насталъ, можемъ ли мы невооруженные, голые, безграмотные, некультурные, непонимающіе элементарныхъ общественныхъ отношеній, можемъ ли мы осилить его безъ культуры, безъ знаній, безъ широкаго всесторонняго развитія народа? Ибо, тт. и граждане, это невѣрно: графъ Растопчинъ жестоко ошибается: **гвардія революціи** „мужиками“ въ грубомъ смыслѣ слова вовсе не хотѣла стать, она не думала отказываться отъ культуры.—Это невѣрно. **Гвардія революціи**, въ томъ числѣ народническая, понимала идею народа, идею труда, идею классовую,—и я вамъ скажу: она не понимала не въ узкомъ, эмпирическомъ смыслѣ, она ее брала широко: народъ—это былъ тотъ общественный слой: трудъ—это была та общественная группа, о которой одинъ изъ старыхъ народниковъ говорилъ: „служите интересамъ труда, интересамъ трудящихся классовъ, **и вы будете служить интересамъ культуры, интересамъ цивилизаціи, интересамъ свободы**“. Идею народа, труда, идею рабочаго класса—она поднимала до вершинъ цивилизаціи и оплодотворяла ее наукой, искусствомъ, всѣми пріобрѣтеніями свободнаго развитія, —творческаго развитія народныхъ силъ. И, если вамъ кто нибудь скажетъ, что это не такъ, что напротивъ, соціалисты должны принизиться вотъ до этого куска сахара, которымъ наши крестьяне, кругомъ которыхъ „ели темныя, пни огромные“, искушаютъ своихъ свиней, чтобы насъ провѣрить; если создастся безумное теченіе, мнящее не на культурѣ, а на некультурности построить планъ переворота, то вы скажите всѣмъ: **это—культурные дикари**, люди, которые не учили сложности общественной обстановки и, не учтя ее, губили великое дѣло великаго переворота,—великаго, несмотря ни на что; губили его, не дали ему развиться въ творческомъ порывѣ. Революція не въ разрушеніи; революція не въ томъ, чтобы все уничтожить, не это истинно революціонная стадія: **революція въ творчествѣ**. Достоевскій говорилъ когда-то: „мало опровергнуть хорошую прекрасную мысль, надо ее замѣнить такой же хорошей прекрасной мыслью“. Мало разрушить старый строй, мало разрушить промышленность, фронтъ, культуру, цивилизацію, сбросить съ пьедестала все, что есть. Достичь этого могутъ вандалы, это могутъ сдѣлать **культурные дикари**. Но не они способны на ихъ мѣстѣ разрушеніемъ создать нѣчто новое. Создавая это новое, надо помнить, что никакая культура не станетъ культурой и свобода не станетъ свободой, если она не будетъ построена на широко и глубоко демократическомъ народномъ правосознаніи если она не выраститъ широкимъ цвѣткомъ изъ этой почвы, удобренной потомъ, кровью и слезами огром-

ныхъ широкихъ трудящихся массъ. Вотъ идея, на которой стояло русское народничество въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей. Вотъ идея, которая внѣдрялась ими въ русскую революцію, на почвѣ которой они создавали свои обобщенія. Въ этомъ смыслѣ я скажу вамъ; намъ сейчасъ надо перебороть себя, намъ надо придти въ себя отъ ужаса, который насъ окружаетъ, намъ надо сдѣлать усиліе и понять, что это еще не все, что великое великимъ останется и это великое заключается въ томъ, чтобы идею народа, труда—сочетать **съ идеей освобожденія человѣка прежде всего, идею классовую—сочетать съ идеей культуры и соціализма.** Только на почвѣ такого сочетанія и возможно намъ создать нѣчто новое, только на этой почвѣ вырастутъ великія идеальныя цѣнности, которыя сейчасъ разрушены. Вы помните, граждане, когда во Франціи въ 1793 году Робеспьеръ и тѣ, кто были съ нимъ, схватили величайшаго трибуна народнаго—Дантона и поставили передъ судомъ революціоннаго трибунала имъ же созданнаго,—то друзья его, видя, какъ неизбѣжна гибель его, сказали Дантону: „Бѣги въ Бельгію, есть возможность освободиться“. Но этотъ трибунъ, левъ французской революціи, прорычалъ имъ въ отвѣтъ: „Некуда бѣжать! **Отечества на подошвахъ башмаковъ не унесешь**“! Отечество для него было идеальной цѣнностью; отечество для него было то же, что для насъ революція, культура и цивилизація. Сколько бы ужасовъ въ жизни передъ вами ни было, на какую бы жизнь васъ ни вели; помните одно: этихъ великихъ культурныхъ цѣнностей, этого отечества на подошвахъ башмаковъ не унесешь. Будемъ же всѣ бороться за него, будемъ съ народомъ, во имя народа, понимаетъ онъ насъ или нѣтъ, идти на гибель **за отечество** и мы спасемъ народъ, спасемъ культуру, спасемъ цивилизацію, родину и свободу!

Е. Колосовъ.



VII.

Рабочее движеніе и культура.

Когда въ началѣ войны облетѣло весь міръ извѣстіе о томъ, что германскій рабочій классъ, въ рейхтагѣ одобрилъ войну, благословилъ предпріятіе Вильгельма, то это воспринято было, какъ ужасъ, какъ несчастье. Никто не ожидалъ, чтобы Вильгельмъ не могъ нарушить справедливость; никто не ждалъ отъ германскихъ профессоровъ, отъ германской интеллигенціи, отъ германскихъ либераловъ, но ждалъ отъ германскаго рабочаго класса, что онъ всегда, и въ данномъ случаѣ также, будетъ стоять за начала справедливости и будетъ бороться съ угнетеніемъ. Почему? Потому что рабочее европейское движеніе сосредоточило въ себѣ культурное движеніе всего міра. На рабочее движеніе устремлены взоры не только рабочаго класса, всякій другой оскорбленный, всякій угнетенный попираемый находитъ защиту у рабочаго движенія и его вождей, его трибуновъ. Тамъ они слышатъ слова защиты и только тамъ! Недавно мы еще читали, что на одной изъ площадей Петрограда собираются поставить памятникъ первоучителю научнаго соціализма во всемъ мірѣ, теоретическому вождю рабочаго класса. Карлу Марксу. Такъ вотъ этотъ самый Карлъ Марксъ, котораго такъ уважаетъ нынѣшняя власть, и его другъ Энгельсъ, говорили: мы, соціалъ-демократы Германіи, гордимся тѣмъ, что мы не только наслѣдники великихъ соціалистовъ утопистовъ Фурье, Сенъ-Симона, Оуэна, но и

философовъ Канта, Фихте и Гегеля, т. е. мы наслѣдники всего того лучшаго, что было въ буржуазномъ мірѣ. мы не разрушаемъ его нашими руками, мы продолжаемъ на той основѣ которая заложена была ими. Мы продолжатели великихъ идей французской революціи. Французская революція, въ эпоху, когда буржуазія была прогрессивной силой, борясь съ феодализмомъ, превозгласила начала свободы и равенства, буржуазная демократія утверждала въ жизни эту свободу и права человѣка,—мы ихъ не разрушаемъ, мы ихъ продолжаемъ, мы ни одну изъ демократическихъ свободъ не хотимъ разрушить. И въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на то, что въ теченіе десятка лѣтъ происходило въ Европѣ. Тамъ, въ каждой странѣ, рабочій классъ, въ лицѣ своихъ организацій, былъ передовымъ борцомъ за утвержденіе свободъ. Мы помнимъ всѣ, какъ въ 90-хъ годахъ бельгійскій рабочій классъ завоевалъ для своей страны всеобщее избирательное право. Мы помнимъ, какъ въ видѣ отголоска революціи 1905 г. въ Россіи, австрійскій рабочій классъ завоевалъ всеобщее избирательное право для Австріи. Волною катилось по Европѣ движеніе за политическія свободы и за всеобщее избирательное право. Нигдѣ въ мірѣ не отрекаются отъ этихъ цѣнностей, этихъ вѣчныхъ цѣнностей, этихъ огромныхъ достиженій стараго міра, буржуазной демократіи. Всюду соціалъ-демократія, всюду пролетаріатъ считаетъ себя по праву наслѣдникомъ этого. Въ то время, когда изъ боязни народнаго движенія другіе классы и другія партіи начинаютъ подумывать въ Европѣ о томъ, нельзя ли какъ нибудь это всеобщее избирательное право устранить, испортить, отмѣнить, въ это самое время рабочій классъ стоитъ на стражѣ своихъ свободъ, И я знаю, я часто читалъ, когда былъ въ Германіи, и я самъ

слышалъ отъ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ: нашъ рабочій очень умѣренный человѣкъ; нашего рабочаго не легко раскачать, но помните; въ тотъ день, въ тотъ часъ, когда германское правительство посмѣетъ отнять отъ него всеобщее избирательное право, мы встанемъ, какъ одинъ человѣкъ; мы совершимъ революцію! Вотъ что говорили намъ нѣмцы, вотъ что они цѣнятъ, что для нихъ является средоточіемъ ихъ усилій, Намъ надо немного пріучиться смотрѣть на западъ, намъ нужно быть, въ самомъ дѣлѣ учениками, внимательными того, что тамъ вѣками, десятилѣтіями, упорнымъ трудомъ и борьбою выработано и достигнуто. Намъ нужно брать примѣръ у этой культуры, накопленной въ Европѣ, демократически буржуазной и воспринятой рабочими всего міра, которые не даромъ называютъ себя соціалистами и демократами, сторонниками народовластія. Несчастье наше, несчастье русскаго рабочаго движенія, его роковое положеніе въ русской революціи объясняется тѣмъ, что рабочее движеніе русское и мы всѣ, мы вскормлены были безправіемъ самодержавія. Въ нашихъ широкихъ народныхъ, массъ эта любовь къ свободѣ ихъ это отстаиваніе элементарныхъ правъ человѣка не стало плотью и кровью, наша бѣда въ томъ ,что мы вообразили, что мы можемъ совершить величайшіе перевороты, не слѣдуя тернистому пути европейскаго рабочаго движенія, которое, можетъ быть, медленно но за то упорно, строя свои ряды, свои милліоныя организаціи, шагъ за шагомъ продвигается впередъ, къ завѣтной цѣли. Мы думали, что мы не сегодня завтра облагодѣтельствуемъ міръ, перевернемъ всю Россію, измѣнимъ все и, думая такъ, рабочій классъ Россіи, вѣрнѣе тѣ, кто распоряжается именемъ рабочаго класса, попирали основы демократіи. Въ этомъ ужасъ, въ этомъ несча-

стье Россіи. Нигдѣ въ Европѣ, не было такого несчастья съ рабочимъ классомъ; всюду въ Европѣ, въ теченіе десятилѣтій процессъ завоеванія народныхъ правъ, правъ человѣка и гражданина для всѣхъ, кто только носитъ человѣческій обликъ, всюду этотъ процессъ увѣнчивался усиліями рабочаго класса, всюду рабочій классъ былъ въ первыхъ рядахъ и только у насъ въ Россіи отъ имени рабочаго класса отмѣнили всеобщее избирательное право. Только у насъ, отъ имени рабочаго класса, растоптали свободы: свободу печати, собраній и другія. Намъ говорили люди, тѣ самые люди, которые собираются ставить памятникъ Карлу Марксу: позвольте, мы создали новыя формы общественности, высшія, до которыхъ не доросла Европа. Мы создали совѣтскую власть, съ ея основами, въ которыя входитъ преимущественно рабочій классъ въ видѣ отдѣльныхъ его группъ, далеко не всѣхъ, и становятся безправными всѣ, кто не входитъ въ эту совѣтскую Россію, лишается правъ. Это называлось русскимъ изобрѣтеніемъ, это называлось преодолѣніемъ того, что было до сихъ поръ общепризнанно въ Европѣ, за что боролся пролетаріатъ всего міра. И, мы знаемъ что это значитъ, мы знаемъ, что именно этотъ принципъ: лишенія правъ всѣхъ другихъ—кромѣ моихъ единомышленниковъ—есть основа для убійства, совершеннаго надъ революціей, есть основа для идущей къ намъ черезъ двери реакціи и возможной реставраціи. Въ тотъ день, когда это сдѣлала совѣтская власть сдѣлала то, что носилось въ воздухѣ, она послѣдовала тому лозунгу, который я слышалъ самъ часто на улицахъ: „довольно на насъ поѣздили, теперь мы на нихъ поѣздимъ"! Въ этой фразѣ лежитъ отрицаніе того демократическаго начала, которое было дорого рабочему движенію всего

міра, которое является азбукой для соціалъ-демократіи Европы.

Соціалъ-демократія, рабочее движеніе есть культурная гражданственность, это гражданственность, которая говоритъ: „я не терплю изъятій, я всякому даю права, права равныя, кто бы онъ ни былъ, пусть ты будешь эксплоататоръ, пусть ты будешь „буржуй„, ты имѣешь равное съ нами право идти къ урнамъ и подавать свой голосъ за устройство государства; я тебя не боюсь, ибо я знаю, что исторія за меня и что я, въ концѣ концовъ, буду побѣдителемъ. „И рабочее движеніе Европы медленно продвигалось къ своей цѣли, оставаясь до сихъ поръ меньшинствомъ въ населеніи, меньшинствомъ въ парламентѣ, но крѣпнущимъ изъ года въ годъ, продвигающимся впередъ мѣрнымъ шагомъ, послѣ котораго почти нѣтъ отступленія.

А мы? Мы попрали, мы растоптали этотъ принципъ, освѣщенный міровымъ движеніемъ культуры, рабочимъ классомъ всего міра, мы растоптали потому, что сегодня случайно при помощи солдатскихъ штыковъ, штыковъ солдатъ, которые устали отъ войны и захотѣли дорваться до земли, мы оказались у власти; мы заполучили управленіе страной, мы сказали то, что говоритъ всегда дикій народъ, что извѣстно подъ именомъ „готтентотской" морали: когда у готтентота украдутъ жену, онъ говоритъ: „это скверно" но когда онъ у другого украдетъ жену, то онъ говоритъ: „это хорошо". Вотъ эта готтентотская мораль стала нашей основой; мы забыли, что сегодня штыки за насъ, а за кого они будутъ завтра? Будутъ ли они всегда за насъ или, можетъ быть, они пойдутъ завтра за тѣмъ человѣкомъ, за тѣми людьми, которые растопчутъ свободу и которымъ даже будетъ не нужно топтать свободу, ибо

эту черную работу продѣлали за нихъ предшественники?

Ужасъ, несчастье момента, переживаемаго нами, заключается въ томъ, что люди, говорящіе отъ имени рабочаго класса, пользуясь некультурностью рабочаго класса, тѣмъ, что у него не было той многолѣтній выучки, которая имѣется у европейскаго пролетаріата, могли сознательно или помимо сознанія—это все равно—совершить подготовительную работу для всѣхъ будущихъ нарушителей права, для всѣхъ будущихъ деспотовъ, для всѣхъ будущихъ диктаторовъ. Когда буржуазія когда нибудь въ злосчастный часъ подавитъ свободу въ Россіи, или даже не буржуазія, а когда какой нибудь другой отсталый общественный элементъ расправится съ остатками русской революціи, можетъ быть, при помощи Германіи, а можетъ быть и безъ нея, то онъ найдетъ расчищенное поле, т. к. въ сознаніи людей нѣтъ этого сильнаго чувства—„я не позволю попирать свои права". Это чувство за время революціи не защищали, а уничтожили въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, всѣми мѣрами сводили на нѣтъ, а оно и безъ того было слабо въ русскомъ сознаніи,—его окончательно добили. Разогнали всенародное представительство, сведя на нѣтъ, вышедшія изъ всеобщаго избирательнаго права мѣстныя самоуправленія.

Россія все думаетъ, что она можетъ, въ лицѣ своихъ вожаковъ, въ лицѣ тѣхъ, которые верховодятъ и руководятъ, совершить чудо и удивить міръ какими то необыкновенными формами своего развитія. Къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ удивляемъ міръ только своею разрухою, къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ поразили все міровое рабочее движеніе тѣмъ, что произошло за послѣдніе мѣсяцы, когда мы предали

европейскую демократію, когда мы отдали на потокъ и разгромленіе германскаго имеріализма рабочихъ всей Западной Европы, не только рабочихъ Франціи, Англіи и Бельгіи и другихъ западныхъ демократій, но и рабочій классъ той же Германіи, рабочій классъ той же Австріи, гдѣ пораженіе Россіи, отказъ ея отъ борьбы, выходъ ея ихъ войны былъ встрѣченъ ужасомъ, ужасомъ вождей независимыхъ соціалъ-демократовъ, не идущихъ за имеріалистами и сохранившихъ старые идеалы—идеалы демократіи, идеалы великихъ первоучителей научнаго соціализма: Маркса и Энгельса. Пора намъ стать европейцами, пора намъ отказаться отъ всякихъ отсебятинъ, отъ всякихъ изобрѣтеній. Эта привычка къ отсебятинамъ, и то обстоятельство, что на поверхности нашей общественной жизни стоятъ не люди, прошедшіе черезъ огонь, воду и мѣдныя трубы европейской выучки, а подлинные, настоящіе Тяпкины-Ляпкины, свидѣтельствуютъ о нашей некультурности, некультурности, которая проходитъ сверху до низу, которая чувствуется въ мужикахъ Нижегородской губ., о которыхъ вамъ говорилъ т. Колосовъ, которая чувствуется въ верхахъ, гдѣ изобрѣтаются тяпокинско-ляпкинскія тоеріи, теоріи, упраздняющія все, что годами и десятилѣтіями выстрадала европейское рабочее движеніе, въ чемъ коренится его слава, почему на евпропейское рабочее движеніе устремлены взоры всѣхъ угнетенныхъ, не только рабочихъ, но и всѣхъ другихъ классовъ.

Рабочее движеніе, соціалистическое движеніе всего міра, никогда не говорило: „я устрою новый общественный порядокъ для себя, потому что мнѣ при этомъ порядкѣ будетъ лучше, мнѣ достанется наиболѣе жирный кусокъ, и я стану чьимъ то господиномъ". Нѣтъ, рабочее движеніе всего міра говорило: „мы яв-

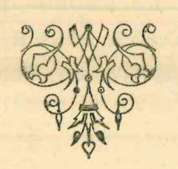
ляемся величайшимъ культурнымъ движеніемъ всего міра потому, что въ насъ сосредоточено освобожденіе, будущее освобожденіе всего человѣчества безъ различія классовъ и группъ, всего человѣчества отъ того ужаснаго строя, который называется капитализмомъ, который искажаетъ всѣхъ--искажаетъ тѣхъ, которые угнетаютъ и тѣхъ, кого онъ гонитъ и эксплоатируетъ". Въ Европѣ, въ капилистическомъ сторѣ все искажено, все испорчено и подмочено: искусство начинаетъ падать, наука искажается и хотя техника процвѣтаетъ но общественныя науки совершенно упали. Такъ вотъ мы хотимъ освободить все человѣчество, всему человѣчеству принести волю, свободу, начала равенства и братства, всему человѣчеству хотимъ мы принести тотъ земной рай, который будетъ результатомъ длительнаго процесса и мучительныхъ достиженій. Люди должны, заработать себѣ этотъ рай, а не попасть въ него такъ какъ вотъ недавно мы слышали отъ одной изъ лѣвыхъ с-р. Спиридоновой, которая обѣщала чуть ли не къ веснѣ 1918 г. водворить рай въ Россіи. Ахъ, знаемъ мы этотъ рай, который сейчасъ водворяется, знаемъ мы, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше мы идемъ въ адъ— адъ безправія, безправія внутри россійскаго и безправія, которое намъ продиктуетъ германскій имперіализмъ!

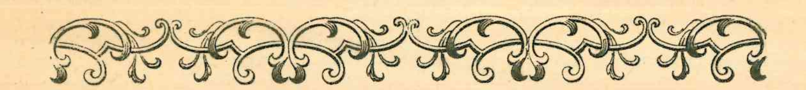
Я не пессимистъ, я вѣрю во внутреннія силы русскаго рабочаго класса, я вѣрю въ силу народныхъ массъ той страны, которая во многихъ отношеніяхъ была уже свѣточемъ въ міровой культурѣ. Та страна, которая имѣетъ блестящую міровую литературу, страна, которая выдвинула фаланги мучениковъ, нашихъ революціонеровъ, страна, которая шла на залканіе въ теченіе всего XIX вѣка, эта страна таитъ въ себѣ силы которыя, какъ только эти силы отшлифуетъ культура, станутъ во главѣ, станутъ въ передовыхъ рядахъ культурнаго движенія Россіи и культурнаго движенія другихъ странъ. Я вѣрю, что рабочій классъ сыграетъ еще свою роль и загладитъ свою вольную или невольную вину 1917 г., ту вину, которая лежитъ на немъ и которая заключается въ томъ, что люди, отъ имени его, попирали свободы, отмѣняли избирательныя права. Когда переродится рабочій классъ, когда онъ будетъ наконецъ не такимъ легкомысленно-самонадѣяннымъ, что будетъ думать, что Европа ему не указка, а будетъ у нея учиться, будетъ слѣдовать за ней въ организаціи своихъ силъ, чтобы продвигаться—пусть медленно, но вѣрно—впередъ, продвигаться не такъ, какъ въ началѣ нашей войны, при сомодержавномъ строѣ, продвигался ген. Ренненкамффъ: онъ залетѣлъ въ Восточную Пруссію, но прошло очень недолгое время и онъ такъ же быстро вылетѣлъ оттуда, какъ влетѣлъ; это была россійская стратегія, россійская тактика.

Рабочему классу нужно забыть эту стратегію, это военное искусство генераловъ временъ Николая II; лучше двигаться медленно, но вѣрно, твердыми рядами, сомкутыми шеренгами впередъ, къ своей конечней цѣли, вбирая въ себя все, что достигнуто наукой, все что достгнуто общественными силами предыдущихъ поколѣній. Пусть это будетъ буржуазныя поколѣнія, пусть это будетъ буржуазная демократія; мы не послѣдователи анархиста Бакунина, который думалъ, что можно на пустомъ мѣстѣ, разрушивъ все до основанія, воздвигнуть новое зданіе. Нѣтъ, мы строимъ на основѣ, заложенной нашими предшественниками, и только въ томъ, что мы ихъ подражатели, въ томъ, что мы не вандалы, не гунны человѣчества, только въ этомъ наша сила и надежда, что когда нибудь осуществятся наши мечты и увѣнчаются успѣхомъ наши усилія. Только тогда

когда рабочее движенiе Россiи, подобно европейскому движенiю, впитаетъ въ себя культуру и прежде всего культурную гражданственность, борьбу за всякое попранiе правъ и справедливости, борьбу за отнятыя и попранныя избирательныя права, борьбу за свободу— только тогда въ Россiи будетъ легче жить, только тогда Россiя оживетъ и справится со всѣми бѣдами, которыя намъ уготованы сейчасъ нѣмецкимъ нашествiемъ.

А. Потресовъ.





VIII.

Пролетарская революцiя и матерiальная культура.

Связь между культурой и революцiей гораздо шире и глубже, чѣмъ вопросъ о культурности вождей революцiи, понимая слово „культурность“ въ обычномъ обывательскомъ его значенiи.

Въ первые дни октябрьскаго переворота, когда пришли непровѣренныя, впослѣдствiи оказавшiяся преувеличенными, извѣстiя о разгромѣ памятниковъ московской старины и бомбардировкѣ Московскаго Кремля, какъ вы помните, комиссаръ Луначарскiй впалъ въ истерику. Это его настроенiе произвело нѣсколько смѣшное впечатлѣнiе и понятно почему. Въ процессѣ тѣхъ колоссальныхъ соцiальныхъ столкновенiй, въ которыхъ выражается всякая революцiя, можетъ погибнуть памятникъ старины, но это еще не рѣшаетъ вопроса о культурномъ значенiи революцiи. Великая французская революцiя разрушила много памятниковъ культуры. Конечно, было бы лучше, если бы она разрушила ихъ меньше; великая французская революцiя сдѣлала много крупнѣйшихъ, я бы сказалъ, почти кощунственныхъ преступленiй противъ культуры. Такъ, напр., когда величайшiй ученый того времени Лявуазье былъ приговоренъ къ смертной казни и просилъ маленькой отсрочки, чтобы закончить великое открытiе, ему предсѣдатель революцiоннаго трибунала сказалъ: „Французской революцiи не нужны ученые.“

Это, разумѣется, было актомъ величайшей некультурности и тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ эти отдѣльныя немногочисленныя преступленія противъ культуры, великая французская революція имѣетъ колоссальное культурно-историческое значеніе,—въ этомъ никто не сомнѣвается. Она положила новую грань культурнаго развитія, она окончательно устранила тѣ препятствія, которыя нужно было смести для того, чтобы новая культура XIX вѣка могла овладѣть Европой.

И съ другой стороны, если бы гдѣ нибудь произошла революція, всѣ дѣятели которой обладали бы самой величайшей культурностью, величайшимъ уваженіемъ ко всѣмъ произведеніямъ искусства, науки, картиннымъ галлереямъ и т. д., это еще вовсе не значило бы что передъ нами происходитъ великая соціальная революція. Разумѣется, уваженіе къ созданнымъ культурнымъ цѣнностямъ—благо; всякая перемѣна, которая даетъ доступъ къ культурѣ новымъ слоямъ народа, есть заслуга передъ родиной, но революція общественно-соціальная характеризуется не тѣмъ, что она распространяетъ культуру, а тѣмъ, что она полагаетъ новыя основы культуры, что она созидаетъ новыя культурныя формы жизни, и съ этой точки зрѣнія я подхожу къ вопросу о связи между культурой и пролетарской революціей.

Но что же это значитъ положить основу новой культуры? Это вовсе не значитъ, чтобы сначала уничтожить старую культуру, чтобы получилось голое мѣсто, а потомъ начать строить новую,—такъ нигдѣ новая культура не строилась. Новая культура всегда впитывала въ себя содержаніе культуры предшествующей, но такъ располагала это содержаніе, что получалось совершенно новое по стилю, я бы сказалъ, зданіе. Поэтому, если кто нибудь изъ дѣятелей революціи говоритъ вамъ: „мы основъ новой культуры еще не создали, но это происходитъ потому, что намъ некогда, потому что намъ нужно все разрушить, расчистить мѣсто, а потомъ на немъ строить и вы увидите какіе великолѣпные дворцы мы построимъ“,—вы не вѣрьте этому человѣку: это или сознательный обманщикъ или легкомысленный человѣкъ и никакихъ зачатковъ новой культуры у него нѣтъ. Для того, чтобы понять, какъ эта смѣна культурныхъ формъ совершалась во время революціи, я позволю себѣ привести маленькій примѣръ изъ величайшей революціи предшествующаго времени, революціи, которая, покончивъ со средними вѣками, создала буржуазную культуру.

Здѣсь, какъ будто, все радикально измѣнилось въ области науки, въ области искусства, въ области литературы, измѣнилось даже самое названіе наукъ: такъ, была астрологія, теперь астрономія; раньше по звѣздамъ гадали о судьбѣ человѣка, теперь смѣются надъ самой идеей о томъ, что можно предсказывать судьбу человѣка. Какъ будто ничего общаго нѣтъ, а на самомъ дѣлѣ тѣ новыя чудеса, которыя дѣлаетъ астрономія, тѣ новыя достиженія, къ которымъ она приходитъ и которыя не были извѣстны астрологамъ, всецѣло покоятся на работѣ астрологовъ. Такъ, напр., астрономически можно въ безбрежномъ океанѣ опредѣлить мѣсто корабля совершенно точно. Тутъ ничего общаго съ предвидѣніемъ судьбы человѣка нѣтъ, это новое астрономическое достиженіе, это новый стиль мышленія, но это стало возможнымъ благодаря астрологіи. Повидимому чудесное наблюденіе по звѣздамъ, въ опредѣленіи мѣстонахожденія корабля, основывалось на тѣхъ точныхъ законахъ движенія небесныхъ свѣтилъ, которые были еще извѣстны астрологамъ. Теперь, если мы подробно срав-

нимъ химію и алхимію, то получимъ то же самое, въ искусствѣ то же самое и т. д. Вся предшествующая культура должна быть собрана великой соціальной революціей, новой нарождающейся культурой, какъ матеріалъ, но она должна быть перестроена въ новомъ стилѣ и вотъ этотъ новый стиль, новыя формы, новая архитектура всего строя, это то, что отмѣчаетъ соціальную революцію.

Если у насъ возникаетъ вопросъ: что передъ нами происходитъ, есть ли это великій соціальный переворотъ или только цѣлый рядъ перемѣнъ, которыя по существу строя не измѣняютъ, то для рѣшенія этого вопроса есть какъ разъ характерный признакъ: имѣются ли тутъ новыя архитектурныя линіи культуры. Такъ напр., такой признакъ, какъ господство какого нибудь класса—рѣшаетъ вопросъ? Нѣтъ, не рѣшаетъ, потому что на исходѣ среднихъ вѣковъ бывали моменты, когда въ отдѣльныхъ районахъ, въ отдѣльныхъ областяхъ европы, въ процессѣ гусситскихъ войнъ, получалась диктатура слоевъ народа, какъ будто, близкихъ къ тѣмъ, которые у насъ оффиціально стоятъ у власти: пролетаріата и бѣднѣйшаго крестьянства. Это были бѣднѣйшіе ремесленники, тогдашніе пролетаріи, подмастерья и бѣдные крестьяне, которые шли за гусситами на гору Таборъ. Изъ нихъ создавались полчища Мюнцера, но была ли это революція соціальная, революція, открывающая новую культуру? Нѣтъ, не была, потому что они шли подъ лозунгомъ, который былъ заимствованъ у стараго строя. Это была послѣдняя попытка въ борьбѣ съ нарождающимся буржуазнымъ строемъ, на сторону котораго стали рыцари, приверженцы феодальнаго стараго строя, который былъ полезенъ этой мелкотѣ; они шли не для того, чтобы положить основы новой культуры, а они шли въ на-

деждѣ, что этотъ ихъ подвигъ увѣнчается сошествіемъ Христа, что имъ откроется тысячелѣтнее царство, которое сдѣлаетъ ихъ господами. Отсюда и надвинулся новый и страшный для нихъ соціальными условіями нарождающійся буржуазный міръ.

Если мы спросимъ себя: не только у насъ въ Россіи, но и во всемъ мірѣ въ Европѣ, зародились ли основы новыхъ архитектурныхъ линій, новой пролетарской культуры, то сравнивая исторію прежнихъ революцій, буржуазныхъ, мы должны были бы ожидать, что разъ мы стоимъ на порогѣ соціалистической революціи, эти линіи должны были бы быть ясно и отчетливо видны, потому что основы буржуазной культуры во всѣхъ формахъ жизни и въ искусствѣ и въ наукѣ опредѣлялись задолго, за десятилѣтія, за столѣтія до фактическаго торжества буржуазіи.

Такъ весь XVII и XVIII вѣка, вся эпоха возрожденія, даже XVI вѣкъ, за 200 лѣтъ до полнаго торжества буржуазіи, были проникнуты этимъ новымъ стилемъ; здѣсь вѣялъ новый духъ и передовымъ людямъ тогда казалось, что этотъ духъ положитъ начало новой жизни. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ говоритъ: „духъ пробудился, радостью становится жизнь“.

Есть ли у насъ новый стиль, есть ли пролетаріатъ, который съ каждымъ шагомъ своего развитія пріобщается къ существующей культурѣ передовыхъ элементовъ? нно. И это свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ растетъ, но близость торжества его, какъ господствующаго класса, должна проявиться въ иной формѣ, въ чемъ то иномъ, не только въ томъ, что онъ учится, что воспринимаетъ въ себя элементы буржуазной культуры, а въ томъ, что онъ становится способнымъ рѣшать вопросы на свой ладъ, что онъ можетъ заложить новые

элементы пролетарской культуры. И, ставя вопросъ въ такой плоскости, я долженъ сказать, что этого новаго стиля я не вижу; я вижу отдѣльныхъ великихъ мыслителей, которые провидѣли эту новую пролетарскую культуру могучаго стиля, который бы могъ дать содержаніе дѣлу народной культуры, но уложить сюда работу цѣлыхъ десятилѣтій отдѣльные художники какъ Верхарнъ, Роденъ и другіе не могутъ, какъ бы они ни были проникнуты соціальнымъ духомъ и какъ бы они ни чувствовали себя связанными съ пролетаріатомъ; они не могутъ создать этотъ единый могучій стиль, который бы воплотилъ эту культуру; для этого нужно въ самую жизнь, въ матеріальный бытъ своего народа заложить этотъ стиль, который сложился бы въ смыслѣ новаго отношенія къ міру. Тогда только появляются зародыши новаго стиля не сверху, не въ головахъ отдѣльныхъ геніальныхъ творцовъ, не въ лабораторіяхъ мыслителей слагается этотъ стиль, онъ воплощаетъ матеріальную культуру, быть повседневныя отношенія. Какъ человѣкъ работаетъ, какъ онъ относится къ труду, какъ онъ относится къ женѣ, къ дѣтямъ,—вотъ гдѣ складывается это новое міровоззрѣніе, это новое отношеніе человѣка къ міру, которое создаетъ потомъ стиль новой культуры.

И если его еще пока фактически нѣтъ, если пока пролетаріатъ не можетъ еще фактически выйти изъ рамокъ буржуазной культуры, то мы можемъ, по крайней мѣрѣ, намѣтить какъ направленіе развитія, какъ тенденцію, ту линію, по которой это стремленіе пролетаріата выбьется изъ рамокъ существующей культуры.

Въ чемъ тутъ разница и въ чемъ долженъ заключаться основной переворотъ? Уже самое названіе двухъ эпохъ на это указываетъ: буржуазная эпоха—эпоха

индивидуализма; та же пролетарская и та общечеловѣческая культура, которую пролетаріатъ, какъ передовой классъ, думаетъ создать для всего человѣчества, уничтожитъ всякіе другіе классы. Должна произойти смѣна двухъ принциповъ: индивидуализма и коллективизма. Индивидуализмъ есть основа принциповъ буржуазной культуры. Это былъ могучій двигатель, который создалъ колоссальныя богатства прежде всего именно въ матеріальной культурѣ, колоссальный расцвѣтъ производительныхъ силъ, ибо раньше, въ средніе вѣка, вся матеріальная жизнь была прочна, опредѣленна, разъ навсегда установлена по буржуазнымъ законамъ, переступать которые считалось величайшимъ преступленіемъ. Судьба каждаго индивидуума была заключена въ узкія рамки, освѣщенныя религіей бытовыхъ формъ и только въ этихъ формахъ она могла вращаться; выйти за эти рамки сильная личноеть не могла,—это было преступленіемъ, и за это она терпѣла кару.

Величайшіе изобрѣтатели полезнѣйшихъ машинъ и благодѣтели человѣчества въ средніе вѣка являлись мучениками: эти машины ломали, изобрѣтателей ихъ предавали суду и иногда они приговаривались къ смертной казни, какъ нарушители порядка.

Съ этимъ строемъ покончила буржуазная культура; она открыла всѣ поприща для развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ. Здѣсь все, что индивидуумъ, человѣческая личность можетъ произвести, было позволено, но, на практикѣ примѣняться и входить въ обиходъ могутъ лишь тѣ открытія человѣческаго генія, которыя выгодны и соотвѣтствуютъ индивидуальной выгодѣ тѣхъ общественныхъ круговъ, въ рукахъ которыхъ находятся средства производства —орудія труда. Вотъ здѣсь положительная

и отрицательныя стороны индивидуализма: съ одной стороны, все что находится въ этихъ рамкахъ, все достижимо и полезно; съ другой стороны, все, что противорѣчитъ индивидуальной выгодѣ отмѣняется. И поэтому, въ зависимости отъ различной обстановки, этотъ индивидуалистическій двигатель матеріальной культуры можетъ приводить какъ, къ прогрессу, такъ и къ величайшему застою.

Я поясню свою мысль. Возьмите обстановку, существующую въ Америкѣ. Народъ, состоящій изъ массы энергичныхъ переселенцевъ, людей, которые дешево себя не продадутъ, гдѣ нѣтъ и не было избыточнаго населенія, люди, которые способны отдать свою рабочую силу только при короткомъ рабочемъ днѣ и при высокой заработной платѣ, которые цѣнятъ комфортъ культуры, которые не пойдутъ на нищенскую работу,—какъ можетъ тамъ проявиться матеріальная буржуазная культура? Путемъ примѣненія самыхъ усовершенствованныхъ изобрѣтеній, путемъ самыхъ высокихъ производительныхъ методовъ труда. И въ той же Америкѣ, мы видимъ, возникли чудеса машинной техники именно потому, что тотъ человѣческій матеріалъ, которымъ тамъ можно располагать, предъявлялъ такія высокія требованія, что эксплоатировать его, путемъ приниженія человѣческой личности было невозможно.

Противоположная картина была въ Россіи временъ самодержавія, гдѣ было огромное количество избыточнаго населенія, выброшеннаго изъ деревни, населенія забитаго, нетребовательнаго, которое жило почти жизнью животнаго. И вотъ у насъ вы видите совсѣмъ другую картину: тѣ же самыя отрасли фабричнаго производства, которые въ Америкѣ блестятъ чудесами техники, у насъ обрабатываются самымъ

примитивнымъ отсталымъ способомъ, не потому, что у нашихъ капиталистовъ другая психологія, а потому, что въ Россіи выгоднѣе безжалостно эксплоатировать чужой трудъ, чѣмъ извлекать выгоды изъ усовершенствованной техники.

Съ этимъ индивидуализмомъ, съ этимъ моментомъ выгоды, при которомъ невозможенъ расцвѣтъ производительныхъ и всякихъ другихъ культурныхъ силъ человѣчества, потому что въ буржуазномъ строѣ все продается, съ этимъ надлежитъ пролетаріату вступить въ главную борьбу. Въ преодолѣніи этихъ препятствій заключается главная задача пролетарской революціи и здѣсь лежитъ главная разграничительная линія между пролетарской и буржуазной культурой. Пролетарская культура окончательно освобождаетъ развитіе человѣческихъ творческихъ силъ, а въ матеріальной области и производительныхъ силъ, отъ всякаго извлеченія личной выгоды. И если сейчасъ въ религіозной средѣ воспринимается, какъ величайшее преступленіе отступленіе отъ какого нибудь священнаго обряда, если, напр., при освященіи даровъ вмѣсто установленной молитвы нельзя говорить совершенно другія неподходящія слова, такъ какъ это будетъ воспринято вѣрующими, какъ оскорбленіе абсолютно недопустимое,—то такое же отношеніе къ будущей культурѣ, начало которой положитъ культурный пролетаріатъ, должно быть ко всякому изобрѣтенію, ко всякому продукту человѣческаго генія, которые пока остается втуне. Всякая отсталая форма, всякій пережитокъ, который сохраняется потому, что люди къ нему привыкли, будетъ восприниматься какъ, оскорбленіе того, что сдѣлано, что увеличиваетъ мощь человѣка, и когда это станетъ основнымъ двигателемъ человѣчества, тогда

мы можемъ, дѣйствительно, превзойти индивидуалистическую, буржуазную культуру.

Что значитъ ее превзойти? Вѣдь бороться съ буржуазной культурой можно двоякимъ путемъ: можно урѣзывать аппетиты буржуазіи, но къ этому стремятся вѣками бѣднѣйшіе классы, и это вовсе не есть еще зачатокъ того пролетарскаго соціализма, къ которому мы всѣ стремимся, это дѣло мы пытались дѣлать во время христіанскихъ войнъ; передовые христіане объ этомъ мечтали, объ этомъ мечтали еще въ древнемъ Римѣ нѣкоторыя христіанскія секты и многія другія теченія. Но это—безнадежная вещь: разъ проснулся индивидуумъ, то урѣзывать его, уложить всѣхъ въ одну рамку такъ, чтобы каждый оставаясь единицей, оставался руководителемъ своей личной выгоды, въ и то же время не смѣлъ бы выходить изъ опредѣленныхъ границъ—сугубо невозможно.

И вотъ, когда зачатки этого индивидуальнаго развитія, когда чувство своей личности и права проникло въ рамки широкихъ рабочихъ классовъ, внести въ народныя массы человѣческую культуру и освободить народныя массы отъ того гнета, который на нихъ налагается, можно только однимъ способомъ, пройдя черезъ него, превзойдя индивидуализмъ тѣмъ, чтобы въ этомъ могучемъ расцвѣтѣ производительныхъ силъ, который будетъ созданъ, всѣ индивидуумы міра свободно могли удовлетворять всѣхъ своимъ потребностямъ, чтобы этотъ учетъ порцій, по которымъ надо распредѣлять блага міра, былъ не нуженъ. И въ этомъ смыслѣ К. Марксъ говорилъ, что, конечно, идеалъ соціалистовъ—это коммунизмъ, гдѣ завѣтнымъ, основнымъ правиломъ является: „отъ каждаго по его силамъ и каждому по его потребностямъ“.

Но какъ же превзойти индивидуализмъ? Есть ли у насъ теперь такія предпосылки, при которыхъ мы могли бы не считаться съ индивидуальными заслугами человѣка, когда каждому предстоитъ свободно удовлетворять всѣ свои потребности? Ясно, что пока еще такого богатства нѣтъ, пока еще такого высокаго развитія производительныхъ силъ мы не достигли, и наша психологія еще не дошла до этого. И если мы присмотримся къ тому характеру который приняла наша революція, то съ точки зрѣнія матеріальныхъ культурныхъ основъ, мы увидимъ, что здѣсь, какъ разъ, основная линія направлена не въ эту сторону, не въ сторону безграничнаго развитія производительныхъ силъ, а въ сторону уравненія благъ съ буржуазнымъ міромъ, а если это не удается, то идутъ путемъ разрушенія богатствъ: пусть никому не достается.

Особенно ярко это выяснилось въ аграрномъ движеніи. Идея соціализаціи не дала никакого уничтоженія индивидуализма: вы всѣ прекрасно знаете, что фактически земля разбирается по рукамъ, что при дѣлежкѣ земель получаются отдѣльныя хозяйства, а объ общественныхъ хозяйствахъ и разговора нѣтъ. Мало того, когда дѣло касается буржуазнаго имущества, напр., сложныхъ машинъ, съ к[illegible]м отдѣльное хозяйство справиться не можетъ, то обыкновенно крестьяне рѣшаютъ, что, такъ какъ использовать ихъ они не могутъ, а оставлять у помѣщиковъ нельзя, то пусть лучше пропадаетъ пропаломъ, чтобы не было намека на какое то неравенство и на прежній помѣщичій бытъ,—разламываются машины, которыя могли бы дать огромное сбереженіе человѣческаго труда, если бы ихъ эксплоатировать правильно.

У насъ эту революціонную стихію объявляютъ хулиганствомъ, бунтарствомъ и т. д. и говорятъ, что здѣсь отсутствуетъ моральный мотивъ. Я этого не скажу; я скажу какъ разъ наоборотъ. Конечно, при всякомъ массовомъ движеніи, всегда будутъ отдѣльныя проявленія хулиганства, отдѣльныя проявленія бунтарства и т. д.—все это будетъ и это всегда есть. Но въ общей суммѣ здѣсь, пожалуй, если угодно, есть даже чрезмѣрное развитіе морали морали отсталой, кощунственной, той самой средневѣковой морали, которая всегда не хотѣла дать буржуазіи возвыситься, считая грѣхомъ всякое индивидуальное возвышеніе. Здѣсь борятся не съ эксплоатаціей, а съ тѣмъ самымъ фактомъ, что развитіе индивидуума не укладывается въ опредѣленныя рамки.

Если мы перейдемъ въ городъ, то мы замѣтимъ ту же самую тенденцію. Здѣсь, въ широкихъ массахъ отсутствуетъ представленіе о томъ, что выйти къ наиболѣе высокимъ стадіямъ культурнаго развитія можно только поднявъ на наиболѣе высокую ступень производительность труда. Мы казалось нѣкоторымъ достигли настолько крупнаго развитія народныхъ силъ, что достаточно равномѣрно распредѣлять ихъ и все будетъ хорошо. Отсюда легенда о спрятанныхъ богатствахъ и способа путемъ обысковъ находить эти скрываемые запасы и увѣренность, что, если ихъ найти, то наступитъ всеобщее благополучіе. Это опять таки этическая идея, которая сама по себѣ не есть соціалистическая, это этика досоціалистическаго, даже до-буржуазнаго періода. Я долженъ сказать, что это печальное явленіе не является у насъ всенароднымъ, что какъ разъ среди рабочаго класса, среди его верховъ, среди рабочей интеллигенціи наиболѣе развитыхъ отраслей производства и, пожалуй, только тамъ, съ самаго

начала революціи ощущалась острая тревога, вызванная сознаніемъ, что наши производительныя силы гибнутъ. Тревога сказывалась тамъ острѣе, чѣмъ въ буржуазной средѣ, которая тоже довольно легкомысленно относилась къ тому, что наше хозяйство разстраивалось. Квалифицированные рабочіе примѣняли усилія къ тому, чтобы создать какія нибудь формы государственнаго регулированія, создать рабочіе союзы, которые могли бы поднять на высшую стадію развитія наши производительныя силы. Но до сихъ поръ имъ это не удавалось. Эта самая мелко-буржуазная, пришлая крестьянская масса заливала огромнымъ озеромъ рабочую массу и эти попытки оказались одиночными усиліями и потому не давали серьезныхъ результатовъ. И вотъ теперь снова, когда мы уже стали на границѣ голода, когда совершенно очевидно, что у насъ нѣтъ не только богатства, которое бы всѣмъ намъ дало благосостояніе и возможность существованія, когда ясно, что, если дѣло пойдетъ такъ, какъ оно шло до сихъ поръ, то всѣ мы обречены на голодную смерть въ ближайшіе мѣсяцы, теперь это теченіе начинаетъ пріобрѣтать больше сочувствія и потому нашъ пролетаріатъ начинаетъ употреблять больше усилій къ тому, чтобы не только возродить нашу промышленность, но возродить ее въ болѣе высокой формѣ примѣненіемъ самыхъ научныхъ способовъ поднятія производительностн труда.

Я долженъ сказать, поскольку дѣло касается матеріальной культуры—о другой сторонѣ я говорилъ—что въ томъ трагическомъ положеніи, въ которое мы попали, когда, съ одной стороны наступаетъ Японія, какъ застрѣльщикъ имперіалистическихъ державъ, а съ другой стороны, продвигается Германія, какъ центръ другой имперіалистической коалиціи, для насъ возможно только два выхода: или совершенно разло-

житься, сойти на тотъ самый уровень, на которомъ стоитъ наша крестьянская масса, т. е. стереть съ лица русской земли всѣ тѣ отрасли матеріальной культуры пролетаріата, что создалъ капитализмъ и промышленность, уничтожить эту промышленность и превратиться въ крестьянскую страну, а это будетъ колоссальнымъ паденіемъ во сѣхъ смыслахъ, не только въ смыслѣ матеріальномъ; или несмотря на тяжелое положеніе, создать островки возстановленія нашей культуры. Если произойдетъ первое, то это будетъ колоссальнымъ ударомъ не только для нашего рабочаго класса, не только онъ будетъ обреченъ на полное вымираніе, но это будетъ величайшимъ ударомъ и для мірового революціоннаго развитія. Тогда Россія, превращенная въ отсталую страну, будетъ резервуаромъ, питающимъ имперіализмъ. Это ослабитъ рабочее движеніе на Западѣ и надолго отсрочитъ наступленіе соціалистическаго переворота и того момента, когда соціалистическая культура сможетъ завоевать себѣ почву во всемъ мірѣ.

Изъ этого выходъ тотъ, что необходимо теперь же, не откладывая, силами самого же пролетаріата, этого наиболѣе сознательнаго элемента, когда внѣшней силы, которая могла бы заставить его поступать противъ воли нѣтъ, этому пролетаріату принять всѣ мѣры къ тому, чтобы тѣ отрасли промышленности, которыя могутъ быть возстановлены, были бы возстановлены на болѣе высокомъ уровнѣ. Для этого нужно гигантское сосредоточеніе силъ, чтобы при этомъ не потерять завоеванія революціи; короткаго рабочаго дня и высокой заработной платы: нужно создать такіе методы, которые бы въ 5, 6, 7 разъ увеличили производительность труда. Только при достаточно энергичныхъ усиліяхъ это можно сдѣлать; но

для этого необходимы усилія не только организованнаго пролетаріата, необходимо, чтобы эта наша основная задача была бы выполнена всѣми элементами трудового населенія, которые имѣютъ отношеніе къ нашей матеріальной производительной культуры, чтобы не только рабочіе, но и интеллигенція заключила на этой почвѣ союзъ труда физическаго и умственнаго, союзъ интеллигенціи и пролетаріата, на почвѣ возстановленія нашей культуры и возсозданія промышленной и матеріальной культуры, въ возможно болѣе высокой формѣ, и только это можетъ предотвратить насъ отъ порабощенія имперіалистами, которое намъ грозитъ.

Только такимъ путемъ, только возродивъ наши производительныя силы, мы сможемъ представить нѣкоторый оплотъ противъ той безпощадной эксплоатаціи, которая грозитъ намъ со стороны иностраннаго имперіализма и тѣмъ самымъ можемъ приблизить тотъ моментъ, когда во всемъ мірѣ восторжествуетъ соціалистическая революція, та пролетарская культура, которая теперь еще очень слабо намѣчается въ своихъ основныхъ линіяхъ даже въ наиболѣе развитыхъ странахъ.

Къ этому союзу физическому и умственному, интеллигенціи и пролетаріата, на почвѣ возстановленія нашей матеріальной культуры, въ ея возможно болѣе высокой формѣ я призываю.

В. Базаровъ.



Чѣмъ можно содѣйствовать Обществу „Культура и Свобода“?

Учрежденное въ память 27 февраля 1917 г. Общество «Культура и Свобода» взяло на себя задачу объединить разрозненную теперь просвѣтительную работу отдѣльныхъ лицъ и обществъ, поднять и организовать уже зародившееся въ странѣ движенiе въ сторону развитiя культуры и просвѣщенiя.

Только **самодѣятельность** самыхъ широкихъ круговъ народа, только активное содѣйствiе всѣхъ, **кому дорога страна, ея свобода и культура**, дадутъ возможность правильно поставить работу, углубить ее и укрѣпить.

Важна и цѣнна **всякая помощь, всякое содѣйствiе**, всякая **работа**.

Содѣйствiе Обществу можетъ выразиться въ слѣдующихъ формахъ:

1) широкое распространенiе идей Общества, его воззванiй и матерiаловъ, призывъ къ вступленiю въ число членовъ его, какъ среди своихъ друзей и знакомыхъ, такъ и особенно среди всякаго рода организацiй, заинтересованныхъ въ возможно лучшей постановкѣ культурно-просвѣтительнаго дѣла;

2) личная работа въ Отдѣлахъ или при учрежденiяхъ Общества: каждый желающiй можетъ найти себѣ дѣло въ области, которая наиболѣе близка и знакома ему;

3) **матерiальное содѣйствiе** Обществу путемъ единовременныхъ пожертвованiй и членскихъ взносовъ: какъ вступительныхъ (50 р. и выше), такъ и годовыхъ (начиная съ 6 р.);

4) предоставленiе Обществу книгъ и научныхъ пособiй для пополненiя библiотекъ и читаленъ, музеевъ и другихъ образовательныхъ учрежденiй, организуемыхъ и поддерживаемыхъ Обществомъ;

5) собиранiе и передача въ Общество всякихъ матерiаловъ по всѣмъ отраслямъ внѣшкольнаго образованiя;

6) собиранiе и передача въ Общество матерiаловъ по исторiи революцiи 1917 г.

Если Вы сочувствуете задачамъ Общества «Культура и Свобода», **не откладывайте** своего намѣренiя **придти ему на помощь**.

Общество съ живѣйшей признательностью приметъ каждое приношенiе, используетъ каждое заявленiе.

Организацiонный Комитетъ
Просвѣтительнаго Общества
въ память 27-го февраля 1917 года
„КУЛЬТУРА и СВОБОДА“.

Петроградъ, май 1918 г. Греческiй пр. 13, тел. 174-58.

Отъ Общества „Культура и Свобода“.

Мы переживаемъ тяжелый годъ, когда на нашихъ глазахъ гибнутъ не только самыя цѣнныя, самыя прекрасныя завоеванія революціи, но гибнетъ и сама Россія.

Для всѣхъ ясно, что одной изъ главныхъ причинъ, заставившихъ насъ своими-же руками убивать живую душу своей родины и свое будущее—является наша отсталость, наше невѣжество и некультурность. На борьбу съ этимъ злѣйшимъ врагомъ нашимъ и должны быть направлены всѣ усилія и помыслы. Поднять культурный уровень массы, пробудить въ ней интересъ къ наукѣ, къ знанію прежде всего—къ первоисточнику ихъ—къ книгѣ—вотъ наша задача. Книга должна стать для насъ такимъ же необходимымъ и доступнымъ предметомъ, какъ хлѣбъ, воздухъ, свѣтъ. Но книгъ осталось безконечно мало; рѣдко выходятъ теперь новыя изданія, стоимость бумаги и печатанія огромная, непомѣрная. Путь остается одинъ: использовать книжные запасы, накопленные годами, и пустить въ оборотъ все, что можетъ сейчасъ послужить народу, немедленно утолить его духовный голодъ. Ни у кого книга не должна лежать заброшенною, нечитаемою.

Къ Вамъ, граждане, и обращаемъ мы свою просьбу. Не храните у себя книгъ, безъ которыхъ Вы можете обойтись, которыя даже иногда стѣсняютъ Васъ. Жертвуйте ихъ обществу «Культура и Свобода». «Культура и Свобода» ставитъ себѣ одной изъ основныхъ задачъ созданіе въ далекихъ отъ центра районахъ сѣти новыхъ общедоступныхъ библіотекъ и народныхъ читаленъ

«Культура и Свобода» съ первыхъ дней своего существованія занялась распространеніемъ просвѣтительной литературы среди всѣхъ жаждущихъ знанія, стремясь къ пополненію скудныхъ книгохранилищъ, находящихся въ пользованіи крестьянскаго и рабочаго населенія.

«Культура и Свобода» озабочена, наконецъ, созданіемъ научной библіотеки для подготовки кадра лицъ, поставившихъ себѣ цѣлью поднятіе умственнаго уровня широкихъ круговъ населенія.

Всѣ наши усилія направлены къ тому, чтобы ни одна книга не залеживалась безъ употребленія, не оставалась мертвымъ ненужнымъ грузомъ. Каждая книга у насъ дойдетъ по своему назначенію и найдетъ своего читателя.

Каждая данная намъ книга будетъ не погашенной свѣчей, затерянной среди ненужной утвари, а яркимъ горящимъ свѣтильникомъ въ глубокой ночи вашего убожества и отсталости.

Предсѣдатель: *М. Горькій.*

Тов. предсѣдателя: *В. Р. Архангельскій. В. Н. Фигнеръ, В. П. Чарнолусскій.*

Члены президіума: *Л. М. Брамсонъ, К. А. Гвоздевъ, В. А. Гердъ, А. П. Пинкевичъ, В. Н. Розановъ.*

Помимо жертвы книгами, учебными пособіями, нотами и т. п., Общество ждетъ и денежной поддержки его начинаній въ дѣлѣ устройства народныхъ библіотекъ, читаленъ.

Другія изданія

Общества „КУЛЬТУРА и СВОБОДА“.

1. Разсказъ *Максима Горькаго*—„**Какъ я учился**“.
Цѣна 50 коп.
2. **Революція и Культура.** *М. Горькій.*
3. „**Культурно-просвѣтительныя общества на Западѣ**“. *Л. М. Брамсонъ.*
4. Однодневная газета „**Книга и Жизнь**“.
Цѣна 30 коп.

ПОДГОТОВЛЯЮТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

1. „**Культура и Свобода**“—сборникъ второй „**Возродится ли Россія?**“.
2. „**Культура и Свобода**“—сборникъ третій „**О книгѣ**“.
3. „**Вѣстникъ Культуры и Свободы**“. Ежемѣсячный журналъ по слѣдующей программѣ: Статьи общаго характера по вопросамъ культурнаго развитія и гражданскаго воспитанія. Практика и методы культурно-просвѣтительной работы. Обзоръ просвѣтительной дѣятельности столичной и на мѣстахъ. Изъ жизни Об-ва „Культура и Свобода“. Библіографія. Вопросы и отвѣты.
4. **Справочникъ Общества „Культура и Свобода“.**

ОГЛАВЛЕНІЕ